

Забвение

Егор Куликов

Егор Юрьевич Куликов

Забвение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264654

ISBN 9785449010650

Аннотация

Самые опасные враги – это бывшие друзья. Кирилл и Владимир хотели лишь одного: стать богатыми и влиятельными людьми. Один выбрал дорогу бизнеса, а второй подался в чиновники. Но они и не догадывались, как тесно переплетутся их судьбы в делах рабочих и личных. Что победит: дружба или выгода? Прощение или месть? И можно ли простить, когда на кону стоит в буквальном смысле всё!

Содержание

Забвение	5
Дом	5
Комната первая	9
Комната вторая	28
Комната третья	64
Комната четвертая	86
Комната пятая	112
Комната шестая	142
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Забвение

Егор Юрьевич Куликов

Иллюстратор Анастасия Красовская

© Егор Юрьевич Куликов, 2017

© Анастасия Красовская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1065-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Забвение

Дом

Я очнулся посреди бескрайнего поля. На небе висело блёклое пятно. Но из-за плотного тумана сложно было определить, что это – луна или солнце. Скорее всего, луна, так как роса скопилась на стеблях травы и приятно щекотала ноги.

Я не испытывал холода, хотя был в тонкой накидке, какие дают в больнице. Не чувствовал собственного тела, но двигался легко и плавно.словно одной лишь силой мысли. Чувствовал, как капли росы скатываются по коже, когда шёл, точнее, когда парил над землёй.

Забавно, но я совершенно ничего не помнил. Кто я? Где я? Откуда? Кто мои родственники или друзья, если таковые имеются? Кем я работал, и была ли у меня семья?

Но ещё забавней было то, что меня это нисколько не тревожило.

Я находился в некой невесомости. Как физической, так и психологической.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем передо мной начал вырисовываться силуэт. И этот силуэт выплывал из тумана, как нос огромного корабля. Высокий, острый. А я, наверное, походил на водолаза,двигающегося к затопленно-

му судну.

Чем ближе, тем более он принимал очертания дома. Огромного загородного дома с острой крышей и крыльцом в пару ступенек.

Ни одна дощечка не скрипнула, когда я поднимался на крыльцо.

Деревянная дверь глухо отозвалась на мои удары. А после тишина.

Мрак. Ни единого звука. Словно туман впитывал их.

Я постучал снова.

У меня возникло ощущение (не знаю, откуда оно взялось), что в доме кто-то есть. И этот кто-то стоит прямо за дверью. Я чувствую его.

Я толкнул дверь, и она с лёгкостью подалась.

Никого!

Но ощущение...

Ощущение, что все, кто был в доме, в одночасье попрятались и смотрят на меня. Я сделал пару шагов, продолжая чувствовать себя единственным актёром на сцене под сотней, под тысячью взглядов.

В доме было светло, но источников света я не заметил. Там не было лампочек или свечей. Казалось, что воздух, вступая с чем-то в химическую реакцию, испускает слабое жёлтое свечение.

Но первое, что бросилось в глаза, – это планировка дома. Длинный коридор с множеством дверей. Как будто я попал

в какое-то госучреждение. Не хватает только лавочек и табличек с графиком приёма и обеда.

Серые стены уходили до противоположного конца. А вместе со стенами уходили и двери. Много дверей. Штук двадцать или около того.

Я схватился за ручку первой двери, продолжая испытывать на себе посторонние взгляды.

Дверь открылась.

Испугавшись, я отшатнулся.

Из комнаты на меня смотрела тьма. Настоящая тьма, которой я не встречал ранее. Ни единого источника света. Ничего. И граница тьмы начиналась сразу за порогом. Как ночной обрыв. Я почувствовал, как сердце начало колотиться.

Возникло ощущение, что свет так же, как и я, боится этой темноты. Он, свет, обрывается на пороге, а дальше темно и пусто.

Не знаю, что меня подвигло, но я шагнул за порог. Окунулся с головой.

Кто-то или что-то закрыло дверь, и тогда я оказался в пустоте и крошечной тьме.

Но страха не было. Он исчез сразу, как я пересек границу света. Я не боялся, что на меня кто-то набросится. Не боялся и того, что за мной следят.

Единственное, что вызывало лёгкую тревогу, так это то, что я могу застрять здесь до конца (до конца чего?). Один

на один с самим собой. Навечно.

Тревога росла и превращалась в страх. Жуткий страх. Я ничего не видел, ничего не слышал и в общем-то ничего не чувствовал. Мозг, лишённый каких-либо ощущений, начинал придумывать себе занятия. Из меня словно лезли демоны самых откровенных страхов.

Я закричал, но тьма съела мой голос.

Не знаю, сколько прошло времени: несколько минут или же несколько суток. Но я заметил блик света. Подумал, что мерещится, что мозг, заточённый в этот тёмный, тихий и бесконечный вакуум, играет со мной злую шутку, самовольно выдумывая развлечения.

Но свет появился вновь. Как будто далеко-далеко или же максимально близко (там сложно было определить расстояние) загорелась свеча и тут же погасла.

Я начал ждать. Я был уверен, что если свет появился единожды, то он вернётся. Он обязательно вернётся.

Да! Я вновь увидел жёлтое свечение. Оно было несколько дольше, чем в прошлый раз. Но и оно погасло. Исчезло.

Затем вокруг начало светиться пространство. Точно, как в доме. Тусклый жёлтый свет.

А затем... свечение стало приобретать формы – и я увидел комнату.

Комната первая

Я увидел светлую комнату с узорчатым ковром на стене. Вместо люстры с потолка на жёстком проводе свисала обычная лампочка накаливания.

У стены – советский шкаф тёмно-коричневого цвета со съехавшей верхней дверцей, видимо, петля сломана. Слева простой стол, заваленный тетрадками и листками. Над столом грубо сколоченная полка, на которой книги лежат одна на одной вперемешку с тетрадями, ручками и линейками. Среди этого вороха спрятался цветок, листочек которого проглядывает сквозь книги.

Единственное окно задёрнуто плотной коричневой шторой.

Я вновь повернулся к коврику. Точнее, это сделал не я... повернулся кто-то другой, а я лишь беспристрастно наблюдал его глазами.

Видимо, этому кому-то был больше интересен ковёр с причудливыми узорами, нежели сама комната.

Через минуту я увидел его руку. Детская ручка с тонкими пальцами уткнулась в ворсистый ковёр и начала водить по контуру рисунка, словно попала в лабиринт и старалась оттуда выбраться.

Спустя минуту ему, или ей, это надоело. Некто начал пересчитывать цветочки на всё том же коврове, в каждый тыкая

указательным пальцем и обводя контур.

– ...шесть, семь, восемь...

Неожиданно резко и, как мне показалось, неестественно громко отворилась дверь.

И я, то есть он, повернулся.

В дверях стояла женщина в цветастом синем сарафане и с пышным пучком чёрных волос.

– Опять свет не выключил? И запах у тебя какой-то спёртый.

Виляя пышными бёдрами, она ворвалась в комнату, расстрожив, действительно застоявшийся воздух.

Женщина подошла к окну и отдёрнула тяжёлую штору.

Солнечный свет ворвался в комнату, заставив меня зажмуриться. Я, то есть он, спрятался под одеяло.

– Мама, не трогай цветы, они сейчас опять вонять начнут.

– Герань не воняет, а пахнет. Ещё и воздух тебе очищает.

Так что давай вставай, уже десять часов.

– Сейчас.

– Давай-давай, – сказала мать и нащупала под одеялом ногу.

И я почувствовал. Вначале вздрогнул и убрал ногу ребёнка, а затем и я ощутил нежное прикосновение к ноге. Словно касались меня. Женская рука схватила за щиколотку, но я, то есть он, резко поджал ноги и громко засмеялся.

– Вставай, сейчас завтракать будем, – сказала мать. –

И чтоб в следующий раз выключал свет.

– Я читал, – ответил ребёнок, не вылезая из-под одеяла.

Мать ушла. Мальчик остался лежать. Через некоторое время он, как белка, потихоньку выполз из-под одеяла. Спустя минуту встал, оделся и пошёл в ванную.

В зеркале я увидел обычного мальчугана с короткой стрижкой. Чёрные волосы, как иголки у ежа, торчали в разные стороны. Заспанные серые глаза вяло смотрели на отражение. Мне показались знакомыми и в то же время совсем чужими и неприятными его черты. Угловатая челюсть и довольно вытянутое лицо. Небольшой шрам красовался на правой стороне лба.

Я был в его голове и не мог управлять ни единым движением, словно сторонний наблюдатель, которого подсадили ребёнку и сказали: смотри. Я чувствовал всё, что чувствует мальчик. Видел всё, что видит он. Слышал всё, что слышит он. Я даже слышал его мысли, но на этом мои полномочия оканчивались.

Наверное, это я в детстве, проскользнула мысль.

Возможно, ведь я ничего не помню, и это... – я не успел додумать, так как мальчик бросил зубную щётку и бегом помчался на кухню, где мать готовила завтрак.

– Папы сегодня не будет, – сказала она, – он уехал на работу раньше.

Видно, меня это не очень расстроило, потому как я схватил масляный блин и сунул в рот. Вкус был божественный. Он стал ещё лучше, когда я макнул блин в малиновое варе-

ные.

– Не налегай, – говорила мать, – запивай чаем.

Я ел. Ел, как в последний раз в жизни.

Когда я вышел на улицу, а жили мы в частном доме, в селе, меня встретила девочка лет восьми, не больше.

Она была в голубом сарафане, её чёрные волосы отливали на солнце, а немного раскосые глаза (видимо, в ней было что-то азиатское) смотрели всегда с прищуром, словно она всех подозревала, в том числе и меня.

Позже, я выяснил, что её зовут Катя, мы одноклассники и я в неё влюблён.

Всё это я понял из разговора, а вот о любви догадался сам: стоило мне один раз взглянуть в эти тёмно-карие глаза, как сердце начало стучать быстрее. Я заикался и не мог ничего сказать.

– Мне пора домой, – сказала Катя и, поправив сарафан, ушла.

Я с жадностью смотрел ей вслед, любуясь чёрными как ночь волосами.

Позже, когда я копал тоннели в огромной куче песка и елозил машинками по проделанным дорогам, ко мне подошёл мальчик. На вид чуть старше меня. Мы с ним поздоровались особенным образом: стукнулись кулачками, сжали поразному руки и в заключение хлопнули друг друга по плечу.

– Пойдёшь сегодня купаться? – спросил он.

– Не знаю, если мама отпустит.

– А самому слабо?

Я замялся. Почувствовал, как во мне одновременно играет гордость и страх перед мамой.

– Не слабо! – резко ответил я.

– Тогда пошли.

– Я только домой сбегая, переодеться надо.

Мой друг ждал у ворот, а я, ворвавшись в дом, как ураган, начал упрашивать мать отпустить меня на пруд.

– Кто ещё с тобой пойдёт? – серьёзно спросила она.

– Вова ждёт меня. Ещё будет Денис, Лёха, Слава, – без зазрения совести врал я. – Там все будут. Я уже умею плавать и обещаю, что не буду заходить глубоко.

– У берега, – после некоторого молчания сказал мать.

– У берега, – повторил я и, не дожидаясь ни минуты, рванул на улицу. Как бы она не передумала.

Я чувствовал, что врал не только про ребят, которые пойдут, но и про то, что умею плавать. Я знал, что плаваю я далеко не хорошо. Едва-едва по-собачьи. Грубо говоря, не то чтобы плаваю, а кое-как держусь на поверхности.

– Быстрее, пока мама не заметила, – сказал я Воле, словно ушёл без её ведома.

Широкий пруд скрывался глубоко в лесу. Как оказалось, там действительно были и Лёха, и Слава, и даже Денис.

Кусочек песчаного пляжа занимали взрослые, а мы ушли в глубь леса, где пруд делает изгиб и где есть высокое дерево, склонившееся над водой на котором болтается тарзанка.

Вова, как самый старший среди нас, первым забрался на дерево и, качнувшись, сорвался в пропасть.

Мы с ребятами заворожённо смотрели на изящные полёт Вовы и на то, как он смачно плюхается в воду. Несколько секунд его не было на поверхности. Он часто нас этим пугал: мол, утонул или ещё чего... Иногда он отплывал чуть-чуть в сторону и выныривал там, надеясь, что мы поверим. Ни разу у него не получился этот трюк, но он с упорством барана каждый раз пытался нас подловить.

– Ну, кто за мной? – крикнул он из воды.

Мы с ребятами переглянулись. У каждого на лице читалась нерешительность. Видимо, помимо Вовы, здесь никто толком плавать не умеет. Но Лёха сделал шаг вперёд:

– Подстрахуйте меня, – сказал он и полез на дерево.

Не знаю, как нам надо было страховать, но мы послушно встали у самого обрыва и вздернули руки вверх, точно индейцы перед костром.

Лёха несколько минут сжимал в руках палку, боясь сделать шаг в пропасть.

– Ну, ты скоро, а то мне уже холодно, – поторапливал Вова, обтираясь на берегу.

Лёха взглянул на нас глазами полными страха и шагнул в пропасть.

То ли он испугался, то ли тарзанка была мокрая и пальцы выскользнули, но он не пролетел и двух метров. Шлёпнулся у самого берега, там, где воды по колено.

Естественно, мы не подстраховали.

Мы взорвались хохотом, наблюдая, как Лёха ковыряется в мутной воде у самого берега.

– Смотри, как надо, – гордо заявил Вова и вновь проскользил до края и, выписывая на лету пируэт, нырнул в спокойную воду.

– Я тоже хочу, – вскрикнул я и забрался на дерево.

Но, стоило мне взглянуть вниз, как я понял, что в общем-то не очень и хочется. Высота слишком большая. И, даже если у меня получится удержаться и упасть в воду, я могу просто не всплыть. Мои навыки плавания далеки от идеальных.

– Ты прыгаешь или нет? – спросил Вова, уже успев вновь оказаться на суше.

– Прыгаю, – неуверенно сказал я.

Несколько минут я до белых костяшек сжимал в руке тарзанку, но так и не решился прыгнуть.

– Трусишь что ли? – с издёвкой спросил Вова и взглянул на ребят.

Я чувствовал на себе их взгляды. Чувствовал, как сердце каждый раз замирает, когда я смотрю вниз. Чувствовал, как трясутся коленки, и жутко боялся, что это заметят ребята.

в— Прыгай! – крикнул Вова.

Я стоял не шевелясь.

Пока я как замороженный смотрел в пропасть, Вова подкрался сзади и дёрнул меня за мокрые трусы. Они сползли

на колени, оголив достоинство. А я стоял. Опасаясь отпустить перекладину, чтобы подтянуть трусы.

Ребята начали смеяться, а я всё ещё мялся, не зная, за что хвататься.

От их звонких голосов слёзы выступили на глазах. Мне было обидно за то, что я не прыгнул, и за то, что все увидели меня нагишом. Даже не знаю, на что я обиделся сильнее.

Кое-как под смех ребят я отпустил ветку и смог натянуть трусы. Слёзы заливали глаза, и с дерева я спускался как в тумане. Как в пелене.

Я отошёл от воды и скрылся за толстым деревом, надеясь там выплакаться и вернуться к ребятам. В тот момент я ненавидел их. У меня было огромное желание забраться на тарзанку и спрыгнуть. Спрыгнуть так, как никогда и никто не прыгал. Чтобы все они обзавидовались. Чтобы узнали, что я не трус, что я могу.

Как известно, детская обида мимолетна, и уже через пятнадцать минут мы вместе играли в салки, бегали на отмели и проваливались в глубокий ил. Этим же илом мы кидались друг в друга, оставляя не белых телах чёрные кляксы.

Спустя какое-то время нас осталось всего трое: Вова, я и Лёха.

Мы уже не играли. Мы просто сидели на дереве, свесив ноги вниз, и наблюдали за тем, как рыбы хватают стрекоз и муравьев, которых мы бросали в воду.

Сумерки опустились на пруд, а мы продолжали сидеть

на ветке и кидать насекомых в воду. Знобило.

Вова предложил искупаться, чтобы согреться. Мы согласились.

Я и Лёха стояли на берегу, когда Вова забрался на наклонное дерево и в сотый раз за сегодня схватил тарзанку и, качнувшись, сиганул в пропасть. Он проделал этот трюк несколько раз, и воодушевлённый Лёха решил, что в этот раз у него получится: нет посторонних глаз, и он не будет стесняться.

Он забрался на дерево, схватил палку и долго не думая полетел вниз.

Да, у него получилось. Он не сорвался у самого берега. Он долетел до края, несуразно кувыркнулся и с воплем упал на ровную гладь. Брызги полетели в стороны.

Прошло несколько секунд, но Лёха не всплыл. Мы не переживали, потому как знали, что если он решил подражать Вова в прыжках, то и здесь, видимо, решил не отставать. Он сейчас с лёгкими, полными воздуха, прячется под водой.

Ожидание затянулось, и мы с Вовой испуганно переглянулись.

Наконец-то из-под воды показалась голова Лёхи. Мы с облегчением выдохнули. Он прокричал что-то непонятное и вновь скрылся.

– Он тонет? – осторожно спросил я, боясь этого слова.

– Нет, – уверенно ответил Вова.

Я поверил: он ведь старше, он знает.

Но, когда Лёха появился ещё раз, мы смогли разобрать единственное слово, которое он успел прокричать, прежде чем вновь уйти под воду:

– ...памагите! – и вода скрыла его.

Вова посмотрел на меня и бросился к берегу. На ходу он взял какую-то палку и кинул Лёхе, как спасательный круг.

– Лёха... Хватайся! – кричал он, но в пруд не лез. – Лёха!

Но тот не мог ответить. Он кое-как всплыл и барахтался, разбрызгивая воду и крики.

Вова продолжать бегать вдоль пруда, словно кот, который боится замочить лапы. Он что-то кричал и звал на помощь.

Я в это время стоял на дереве, наблюдая, как движения Лёхи становятся менее резкими. Брызг всё меньше, а крики всё тише и реже. Спустя пару секунд Лёха в последний раз взмахнул рукой и замер. Я видел, как он ещё плавает. Но с каждой секундой вода поглощает его, смыкая ровную гладь над мальчиком.

Не знаю, что тогда произошло, но я схватил тарзанку, качнулся и полетел вниз.

Я свалился рядом с Лёхой, который уже не двигался.

Также не знаю, откуда у меня появился навык плавания, потому как одной рукой я схватил друга за волосы, повернул его лицом к небу и начал грести. Медленно продвигаясь, я и сам не раз уходил вглубь. Глотал противную воду из пруда. Чувствовал, как она затекает в рот, проникая в нос и до самого мозга.

Мне казалось, что этот момент длился вечно. Ближе к концу я решил, что останусь здесь вместе с Лёхой. Сквозь водную толщу видел, как по берегу бежит Вова. Он что-то кричит, но слов не разобрать.

Он пришёл на помощь, когда вода доходила до груди. Я бы и сам мог уже встать на ноги, но, вероятно, в запале страсти продолжал грести и тащить за собой бездвижное тело.

Вова схватил Лёху за руки, и мы вместе оттащили его на берег.

Положили бледное тело мальчика на землю и посмотрели друг на друга: а дальше что?

Мне казалось, что, стоит вытащить его из воды, и всё будет хорошо. Он очнётся, и мы вместе пойдём домой. Но этого не произошло. Лёха продолжал лежать на спине и вроде бы даже не дышал. Бледность расползлась по лицу, как, – от синих губ и дальше по телу. Оно стало неестественно холодным.

Я подошёл к мальчику, перевернул на живот и со всей силы ударил по спине. Затем, сцепив руки замком, врезал ещё сильнее, и только тогда Лёха начал кашлять, выплевывая мутную воду вперемешку с обедом.

Его щеки моментально порозовели, а взгляд прояснился. Он привстал на колени и в последний раз выплюнул дурно пахнущую жижу.

– Лёха, ты жив! – радостно завопил я.

– Только маме не говорите, – были его первые слова. –

А то она меня больше никогда не отпустит на пруд. Не скажете?

– Не скажем, – ответил я.

Вова промолчал.

Спустя полчаса мы шли обратно в село. И что интересно, мы шли, так же играя на ходу. Рвали дикие ягоды, кислые яблоки и не менее, а быть может, и более кислый щавель.

Я сдержал слово и никому не сказал. Хотя признаться, это было тяжело. Хотел рассказать маме. Хотел рассказать Кате. Хотел, чтобы меня перестали считать трусом и признали во мне героя. Но я молчал. Каждый раз крепко сжимал зубы и молчал.

Знал, что этого нельзя делать, иначе Лёха до конца своей жизни не пойдёт на пруд.

Но уже на следующий день по селу прокатился громкий слух, что вчера на пруду Алексей Меншиков едва не утонул. Быть может, он бы и утонул, если бы рядом не оказался Владимир Хворин, который доблестно прыгнул в воду и вытащил мальчика на берег. Также он сделал искусственное дыхание и, можно сказать, вытащил его с того света.

Моей злости не было предела. Точнее, не злости, а обиды. Ведь это я его спас. Пока я грёб, сжимая в руке клочок Лёхиных волос и хлебал воду из пруда, Вова только и делал, что бегал вдоль берега и кричал.

Уверенный в своей правоте, первым делом я пошёл к маме. Объяснил всё, как было, но она лишь погладила меня

по голове и сказала: «Мой ты выдумщик»

Какой я выдумщик? Я тот, кто его спас.

Я рассказал друзьям: Денису, Славе, Кате, Сане, Юре... Всем, но мне никто не верил. Называли трусом, который не кинулся спасать друга, а после того как я им рассказал правду, меня стали считать ещё и вруном: говорили, что врать не хорошо и что я даже плавать не умею.

Я и сам знал, что плаваю плохо, но в тот момент я смог проплыть это расстояние. Я смог вытащить Лёху на берег. Я смог...

Несколько дней я ходил угрюмый. Точнее, даже не ходил. Я скрывался в комнате, боясь выходить на улицу. Благо было лето, и мне не приходилось показываться на людях, иначе бы в школе совсем засмеяли.

В то время я впервые столкнулся с несправедливостью.

Спустя пару дней меня позвал Вова. Я не хотел его видеть, но всё-таки вышел.

– Чего тебе? – грубо спросил я через закрытую калитку.

– Ты всё дуешься, что я рассказал про Лёху?

– Нет. Я дуюсь, что ты соврал.

– Ой, да ладно тебе. Подумаешь, ты спас или я спас. Какая разница?

– Если нет разницы, то расскажи всем правду.

Вова замолчал. Он опустил тёмный взгляд в пол, носком ковыряя землю.

– Я бы, может, и рассказал, но уже поздно, – сказал он,

так и не посмотрев на меня.

– Почему?

– Ну, там... – как-то сбивчиво говорил он. – Короче, на, сам посмотри.

Я открыл калитку. Он протянул мне газету, и тогда я понял, что он прав. Даже если он расскажет, никто уже не поверит. Скорее всего, его ещё больше будут восхвалять, потому как он благородно уступил своё истинное место спасителя трусливому мальчику Кириллу, то есть мне.

На первой полосе районной газеты красовался Вова. Он был в пиджаке, с букетом цветов. Глава нашего села приколот к его груди медаль, которая так сильно блестела, что мне казалось, я вижу её сияние даже на газетном чёрно-белом снимке.

На фото он улыбался и гордо смотрел в камеру. Круглолицый, пухленький и невозможно противный.

Несколько минут я рассматривал газету, не вчитываясь в слова.

– На, – вернул я ему её.

– Можешь оставить себе, у меня дома ещё штук тридцать их.

– Не нужна она мне.

– Мне тоже, – сказал Вова и пожал плечами.

Не знаю, что на меня нашло в тот момент. Я посмотрел в его наглые и бесстыжие глаза, после чего рука сама вздёрнулась, и я со всей силы заехал ему по лицу. Примерно

так же, как на том берегу Лёхе по спине.

Вова был выше меня. И крупнее. И старше. Но в тот момент я не боялся. Его авторитет упал для меня ниже дворовой пыли. А теперь и он упал. Повалился у моих ног, корчась от боли и потирая ушибленную щёку.

Спустя минуту он встал в полный рост, и ко мне вернулось сознание. В тот момент я приготовился держать ответный удар, но его не последовала.

Продолжая тереть красную и распухшую щёку, Вова сказал:

– Я не дам тебе сдачи. Но только сейчас. В следующий раз я тебя размажу. Ты меня понял?

Я струсил. Испуг пробрался под корку мозга и в самое сердце. Я оцепенел, будто стоял на том дереве, держа в руках тарзанку.

– А ещё, – сказал Вова, уже уходя, – не видать тебе Катки. Знаешь почему? Потому что девки не любят трусов, а ты трус. Ты тот, кто не спас Лёху.

Он громко и фальшиво засмеялся. С этим смехом повернулся и пошёл прочь.

Долго ещё я слышал его голос, стоя колом у калитки.

В ту ночь я мало спал и много думал. Знал, что он был прав. Мне никто не верит. Ему верят все. А девки и вправду не любят трусов. А я трус... Не умею плавать, испугался, когда Вова встал. Всего боюсь... Хорошо хоть, тени своей не пугаюсь.

С этими тяжёлыми мыслями я уснул.

Проснулся, когда рассвет ласкал плотные коричневые шторы.

Не знаю, что мной двигало. Словно ночью, пока я спал, кто-то подумал за меня и принял решение.

Я натянул шорты, футболку. Запрыгнул в тапочки и пошёл на пруд.

На улице было свежо. Холодная роса в поле намочила ноги. Резиновые тапочки скользили, и я несколько раз терял их в траве.

Подойдя к пруду, я почувствовал страх. Снова он начал забираться под сердце. Но я шёл... Шёл, несмотря ни на что.

Я остановился лишь тогда, когда передо мной показалось наклоненное дерево с тарзанкой.

Я слышал разговоры взрослых о том, что после этого случая они хотят её срезать. Но я должен попробовать. Ведь я не трус. Да, я испытываю страх, но сделаю это. Я ведь уже делал однажды.

Делал.

Сняв скользкие тапки, забрался на дерево и взял в руки перекладину. Ровная гладь, подёрнутая лёгким туманом, пугала меня больше, чем что-либо. И этот туман над ней... делает её ещё дальше, ещё страшнее.

Словно, когда я ворвусь в воду, он сомкнётся надо мной и закроет путь навверх. Запрёт меня под водой, как твёрдый лёд.

Несколько минут я сжимал в руках палку. Порывался прыгнуть, но каждый раз что-то во мне щёлкало, и я оставался, боясь даже вдохнуть.

Я ведь делал это, успокаивал я себя. Я прыгал. Я летел. Я падал...

Но это было словно не со мной. Тогда не я владел своим телом, а сейчас... Сейчас мне предстоит самому сделать шаг в пропасть.

Закрыв на несколько секунд глаза, открыл их и тут же сорвался вниз.

Ветер засвистел в ушах. Я напрягся всем телом, чувствуя лёгкость и в то же время невероятную тяжесть. Тело одеревенело и превратилось в камень. Руки, как клещи, вцепились в единственное спасение – кусок ветки, примотанный к веревке.

Я очнулся в тот момент, когда был в самой дальней точке от дерева – почти на середине пруда. Если промедлить, меня потащит обратно.

Я разжал каменные пальцы и полетел вниз. Эти несколько секунд длились неестественно долго. Словно я завис в воздухе и никогда не коснусь пруда.

Но свежая вода приняла меня. Она обволокла со всех сторон. Я погрузился в неё, чувствуя подъём. Будто сделал что-то великое. Хотя для меня этот поступок таковым и являлся.

Вынырнув, уверенно заработал руками, да вот только тело продолжало погружаться. Испугавшись, попытался всплыть

на поверхность.

У меня это получилось. Я вытащил голову, вдохнул воздух и камнем пошёл на дно. Все мои старания не приносили никаких результатов. Я тонул. И самое страшное, что понимал это.

Ладони безрезультатно хлопали по воде. Ногами чувствовал холодный пласт, не прогретый солнцем.

У меня вновь получилось вынырнуть, вдохнуть и... уйти под воду.

Я не кричал, только беспомощно баламутил руками и ногами воду.

Открыв глаза, через водную толщу я увидел свет и успел с ним попрощаться. Погружаясь на глубину, чувствовал границу холода, которая забирается всё выше и выше по телу: ноги, живот, грудь, голова...

Из последних сил я рванулся вверх, надеясь, что этих сил мне хватит.

Комната выплюнула меня. Я вылетел через дверь, не сразу сообразив, что я не мальчик. Я мужчина в просторной хлопковой накидке, босой. Я не в пруду, а в странном доме, хотя холод воды до сих пор ощущается телом.

– Что это было? – вслух спросил я.

Естественно, ответа не последовало.

Я дёрнул ручку соседней двери – заперта. А вот напротив оказалась открытой.

Я вновь остановился перед темнотой и пустотой, кото-

рые таились по ту сторону двери. Точно, как тогда, перед прыжком в воду, подумал я.

Выжил ли я тогда? Выбрался сам или мне помогли?

Надеюсь, вторая комната даст мне ответ.

Комната вторая

Тьма вновь поглотила меня. В этот раз не было столь томительного ожидания и тревоги. Только любопытство. Словно я сижу в тёмном кинотеатре и жду, когда же начнётся кино. Самый интересный фильм. Фильм о моей жизни.

Жёлтое свечение начинает кружиться вихрем, заворачивая пространство в спираль. Меня подхватывает приятный тёплый торнадо и отправляет в мозг к самому себе.

Я появляюсь посреди какой-то полемики. Подростки о чём-то спорят, и их лица кажутся знакомым. Точно, это Лёха, тот которого я спас. Парень возмужал, оброс рыжей щетиной. Сколько ему сейчас: шестнадцать, восемнадцать?

Лёха что-то говорит, но я почему-то не слышу. Вижу, как его пухлые губы двигаются. Он что-то доказывает и ожесточённо машет руками.

Слева стоит Денис – смуглый парнишка, худой и высокий, как пугало в огороде. На нём и вещи висят, как на пугале из веток.

Справа стоит Вова. Тот самый Вова, который в детстве присвоил мою победу над страхом. Он стал ещё больше. Зелёная футболка в обтяжку. Он нервно курит и бегаем взглядом с одного на другого. Облокотился о стенку какого-то ларька, тянет сигарету и только взглядом бегаем.

Наконец-то до меня начали доходить звуки:

– ...надо вломиться к ним, найти этого лысого чёрта и на-
чистить ему лысину! – почти кричит Лёха.

– Ты знаешь, где он живёт? – спрашивает Денис.

– А ты к нему в дом полезешь? – тут же парирует Лёха
и продолжает наседать. – Надо вломиться к ним в село или
на их дискотеку и найти его. Либо выследить где-то в оди-
ночку.

– Выследить сложно будет, – говорю я, и огрубевший го-
лос непривычно режет слух. – Даже если выследим, то это
будет день. Надо бы ночью... Легче всего, конечно, на дис-
котеке его поймать, но там местных много. Можем и сами
отхватить.

– Можем, – как бы сам себе говорит Вова. – Ещё как мо-
жем.

– Что вы начинаете? – недовольно бубнит Лёха и закури-
вает. – Славу они поймали у нас на дискотеке и там же нахло-
бучили, это никого не удивляет. И не вступился ведь никто.

– Меня тогда там не было, – тут же оправдывается Вова.

– Да знаем мы, что тебя там не было. Там и нас всех не бы-
ло. Короче, пацаны, я уже устал говорить. Если мы не ото-
мстим за Славу, то они почувствуют себя совсем вольно.
А нам это не надо.

Мы переглянулись.

– И? – озвучил я общий вопрос.

– Надо ловить.

– Может, стрелку забить?

– Ага, чтобы и нас там всех забили, – смеётся Денис и чуть ли костями не трясёт.

– Надо забивать по-правильному. Не на их территории. Где-то на нейтральной.

– Да не приедут они, – говорю я и прошу у Лёхи сигарету.

– Естественно, не приедут. Мы бы тоже вряд ли поехали.

– Значит, ловим у них на дэнсе? – спрашиваю я.

– Значит, ловим, – поддерживает Лёха.

Денис, молча, кивает, давая понять, что согласен.

– Ловим, – присоединяется Вова.

После того как пацаны утрясли основную проблему, разговоры пошли на отвлечённые темы. Обсуждали девочек. Из этого разговора я понял: Катя так никому и не досталась, а я по-прежнему её люблю. Потому что, только я услышал её имя, сердце дало сбой, словно в аорте мелкий камушек застрял.

К вечеру мы разошлись.

Я вернулся в комнату, где не многое поменялось с прошлого визита. Разве что учебников стало меньше и не было больше герани на подоконнике. Зато коричневые шторы всё так же плотно закрывают окно. На полке несколько стопок книг. И в этой мешанине макулатуры гордо красуется кубок по шахматам в виде золотой ладьи. А на кубке висят медали. Много медалей: лёгкая атлетика, футбол, волейбол. Но больше всего медалей со сгорбившимся лыжником. Шкаф с повисшей на одной петле дверцей всё так же стоит у стены. Раз-

ве что кровать стала другая, и со стены сняли узорчатый ковёр, в который я так тщательно всматривался в детстве.

На кухне я увидел отца. Точнее, его фото с чёрной ленточкой в нижнем углу. Широколицый, с высоким лбом, взгляд суровый, а губы поджаты, словно обижен на кого-то. Он умер совсем недавно, потому как рядом стоят свежие цветы и лампадка.

Та женщина, которую я видел в детстве, изменилась до неузнаваемости. Она располнела. В пышных волосах появились пряди седины, а у глаз морщины раскинули паутину.

– Где был?

– Да с пацанами у Лесного стояли.

– И что вас тянет к этому ларьку, – недовольно бурчит мама. – А ну-ка дыхни... Ты снова курил?

Я промолчал.

– Подойди ближе.

– Мама, что ты начинаешь?

Мать встаёт со стула и направляется ко мне. Я отворачиваюсь, но она всё равно чувствует запах никотина.

– Кирилл, ну сколько можно тебе говорить, чтобы ты не курил.

– Да я всего пару затяг.

– Пара или не пара. С пары затяг всё и начинается. Не успеешь опомниться, как уже по две пачки будешь выкуривать, как твой отец, – и она с любовью смотрит на фото. – Обещай мне, что больше не будешь.

– Не буду обещать.

– Почему?

– Врать не хочу. Ты же знаешь, что я всё равно буду курить.

Мать смотрит на меня глазами, полными жалости и сожаления.

– Не справиться мне с тобой одной. Был бы жив отец, может быть, чего бы из тебя и сделали. А так... – она продолжает смотреть на меня, затем машет рукой и уходит в другую комнату.

Вечером я сажусь за книгу. Но чтение не идет. Всякие мысли лезут в голову. Странные мысли. О том, что же случилось между Славой и этими местными. О Кате. Но о ней почему-то думаю как-то вскользь, мимо. Как будто рикошетом задеваю мыслями и лечу к другой проблеме.

Отбрасываю книгу и подхожу к шкафу.

Открываю дверцу и из-под вороха тряпок достаю круглую металлическую коробку с печеньем на картинке. Обычно в таких коробках хранят принадлежности для шитья, но у меня тут хранятся деньги. Все деньги, сэкономленные мной за последнее время. Я открываю коробку и с ювелирной осторожностью достаю пачку банкнот с изображением Ленина.

Крупные купюры лежат снизу, мелкие сверху. Для успокоения души я пересчитываю и прикидываю в уме, а сколько же мне ещё надо, чтобы наконец-то купить своего двухко-

лёсного коня. Ведь самые модные пацаны уже давно гоняют на мотоциклах, а я за рулём сидел всего пару раз. И проехал в своей жизни не больше ста метров.

Я всем говорю, что мне техника не интересна легко обхожусь без мотоцикла. Но всегда, когда я это говорю, что-то тяжёлое колит внутри. Словно совесть втыкает иголки в сердце со словами: зачем ты врешь? Ты же хочешь мотоцикл, просто у тебя нет столько денег. Зачем врать? Зачем?

И я терплю эти уколы, но продолжаю настаивать на своём, мол, мне это не надо. Я легко обхожусь и велосипедом. Даже таким старым и тухлявым, как мой. И буду продолжать это говорить либо пока не куплю, либо пока сам не поверю в свою ложь.

Но мне осталось ждать недолго. Каких-то пару месяцев ещё подкопить, и дело в шляпе. А если устроюсь на подработку, то и того быстрее.

Перед тем как спрятать деньги, снова пересчитываю и довольный убираю коробку под ворох тряпья. И зачем я, собственно, прячу так тщательно? Будто мама будет покушаться на них. Она же сама мне и даёт деньги, чтоб себе купил что-то. А я, пуская слюни, смотрю на одноклассников, крепко сжимая в кармане мелочь, и уговариваю себя: я не голоден, я не потрачу, я вытерплю. Приду домой и поем. Не в первый раз...

Но осталось недолго.

Я заваливаюсь на кровать, закидываю руки за голову и по-

гружаюсь в мечты. Туда, где я лечу на ярко-красном мотоцикле по полю. За мной поднимаются клубы пыли. Мимо высокие колосья от бешеной скорости сливаются в однородную жёлтую массу, как на картине художника.

Тёплый ветер играет в волосах. Я крепко держу руль и кручу ручку газа. Чувствую, как подо мной вибрирует двигатель, и эта приятная вибрация передаётся всему телу.

Съезжаю с поля на асфальт и через несколько сот метров попадаю в родное село. Проезжаю мимо главного перекрёстка. Проезжаю мимо школы, где много пар глаз с завистью смотрят на меня. Долетаю до Лесного, где собралось много друзей и знакомых. Как ни в чём не бывало паркую своего коня и, естественно, не слезаю с мягкого кожаного сиденья. Красный бак отсвечивает и кидает солнечные зайчики. Полированные и хромированные детали искрятся новизной.

Я достаю пачку сигарет, закуриваю.

Ко мне подходят и задают резонный вопрос:

– Это твой?

И вот он, мой подготовленный ответ:

– Естественно.

Всего одно слово. Не больше и не меньше. И этим словом я скажу всё.

Наверняка рядом с Лесным будет и Катя, которая также будет смотреть на меня и желать, чтобы я прокатил её с ветерком.

А потом, когда она согласится, мы поедем на природу, и,

быть может, там чего и выйдет...

Мечты заставляют улыбнуться. Я лежу с закрытыми глазами. Так и засыпаю с закинутыми за голову руками.

На следующий день утром иду навестить Славу, а заодно и расспросить, из-за чего всё началось.

– Как обычно, – отвечает Слава и трёт распухшую щёку, – всё началось из-за бабы.

– Отбил что ли?

– Да нет, не отбил. Просто увидел красивую девушку, подошёл к ней. Завязался разговор, она сказала, что любит Ремарка, я ответил, что тоже без ума от него. Кстати, кто такой этот Ремарк, чтоб в следующий раз не провалиться перед ней?

– Это писатель. Немец. Писал про Первую и Вторую мировую.

– Хм... Прикольно, буду знать. Ну, короче говоря, мы стоим, болтаем, и тут ко мне подходит парочка местных. Типа, давай в сторонку отойдём, побеседовать надо.

– А ты, дурак, и отошёл, – говорю я, разглядывая бугристое от побоев лицо Славы. Фингал уже не такой пурпурный и тёмный, как был день назад. Глубокая ссадина на лбу затянулась твёрдой коркой. Слава снова трёт щёку, сверкая разбитыми костяшками на кулаках.

– Конечно, отошёл, – удивлённо говорит он. – Я догадывался, зачем они меня зовут, но мне не хотелось перед девушкой в пыли валяться.

– Надо было по тапкам дать.

– Этого тоже не хотелось. Если уж выбирать, что лучше, то лучше в пыли поваляться, чем сбежать.

– Зато был бы цел.

– Я и так цел, – спокойно говорит Слава. – Ещё дня три, и всё пройдёт.

– Короче, – прерываю я Славу. – Мы тут с пацанами поговорили, и решили, что надо бы нам отомстить за тебя.

– Это правильно, – довольно улыбается он, демонстрируя сколотый передний зуб.

– Правда, мы ещё не решили, как отомстим. Либо его одного будем пасти, либо толпой приедем и разгоним всю их шоблу.

– Честно говоря, я бы хотел сам с ним разобраться, – как бы стесняясь, говорит Слава. – Остальные у него, как шакалы, рядом бегали и держали меня. Бил меня в основном только лысый. Я бы с ним один на один вышел. Поэтому, наверное, лучше пасти.

– Подожди, – сказал я, чувствуя, как в голове зреет коварный план. Слава хотел что-то добавить, но я вздёрнул руку и оборвал его, боясь спугнуть мысль. – Делаем так. Приезжаем к ним толпой на дискотеку, ловим этого лысого, и ты при всех вызываешь его один на один. Ему будет неудобно опуститься перед знакомыми, поэтому он согласится. А дальше дело техники... Как тебе?

– Голова, – похвалил Слава и опять сверкнул сломанным

зубом.

– Так и сделаем.

Субботним вечером мы отправились в соседнее село.

Ехали на старенькой «семёрке». За рулём был Вова. Я сидел сбоку от него, а сзади, свернувшись и скрутившись, сидели ещё четыре человека. В машине было накурено. Бедная «семёрка» плевалась и кашляла на каждой горке. Сзади нас плелись два мотоцикла, вроде бы «Иж» и «Восход». На обоих было по три человека. Даже сидя в машине, я слышал, как истошно работает техника.

Фары высвечивали просёлочную дорогу. Долго петляли между деревьев и полей, прежде чем выехали на асфальт. Показались огоньки домов.

Настроение было приподнятым. Я бы даже сказал, весёлым. словно не в опасное место едем, а на какой-то праздник. Шутили, смеялись. Представляли, как расправимся с местными и поставим их на место.

Вова курил и на повороте уронил бычок под ноги. Едва всех нас не угробил, когда машину занесло и поволокло в кювет. Вырулили, выжили.

И всё такие же довольные поехали дальше.

Ближе к деревенскому клубу услышали музыку.

Остановились немного, не доезжая, чтобы не спугнуть жертву. Вывалились из машины, размяли затёкшие конечности и гурьбой повалили ко входу.

– Вы двое, – сказал я незнакомым парням, – будете стоять

здесь и никого не выпускать. Если будут ломиться, просто закрывайте двери и держите. Мы войдём и найдём там этого упыря.

Я почувствовал, как адреналин начинает поступать в кровь. Сердце дробью колотится в груди. Я осмотрел своих товарищей. Взгляды изменились. Стали более настороженными и цепкими. Но настроение всё такое же веселое.

Только вышли на свет, нас тут же обступили местные. Они расступались перед нами, как глыбы льда перед ледоколом. Одним мощным клином мы протиснулись к широкой деревянной двери, где стояла билетёрша.

– Ваши билеты! – сказал она и посмотрела на нас.

– Мы туда и обратно, – ответил я и вошёл в клуб.

Она выставила руку, преградив путь.

– Нам надо поговорить с одним человеком! Мы туда и обратно! – перекрикивая музыку, твердил я.

– Без билетов запрещено.

Я взглянул на неё сверху вниз и легко убрал руку. Она что-то ещё кричала вслед, но я не слышал.

Мы так же, массивным клином, как римская когорта, ворвались в зал, где танцевал народ. Разноцветные фонарики сверкали под потолком. Музыка долбила с такой силой, что я чувствовал вибрацию в груди.

Тёмное, заплёванное помещение встретило нас враждебно. Одиночки, кутившие по углам, вздрогнули и начали за нами наблюдать. Девушки тут же пошли к выходу, почуяв

недоброе.

Интересно, подумал я, эти два пацана, которые остались у входа, додумаются выпускать девушек или нет?

Увидев, как очередь убывает, понял, что пропускают. Оно и лучше. Меньше будет криков и соплей.

Нас было десять человек и двое снаружи. Но мы были одним мощным кулаком, что сразу обескуражило и напугало местных. Изредка, когда свет ярко моргал, я успевал замечать испуганные лица парней. Малыши смотрели с любопытством, а парни нашего возраста глядели со страхом.

– Вон он! – ткнул пальцем Слава, и мы, как единый организм, повернулись к компании из пяти человек.

Лысого я узнал сразу – он был реально лысый. И голова его блестела от ярких вспышек светомузыки.

– Пойдём выйдем! – прокричал я этой компании, и мы, не боясь, повернулись к ним спинами.

– Я же говорил, что мы ненадолго, – сказал я билетёрше.

На улице собралось много народа. Можно сказать, тут собрались все. Нам же лучше.

Мы встали друг напротив друга. Зеваки и те, кто любит посмотреть местные бои, обступили по кругу.

– Короче, – начал я без лишних прелюдий. – На прошлой неделе был не очень правильный и не очень хороший инцидент. Надеюсь, вы помните его? – обратился я к Лысому и указала на Славу, который ступил шаг вперёд.

– И? – довольно борзо ответил Лысый.

– Вас было трое, он был один. Тебе кажется это правильно? Это по-мужски? Это по-пацански?

– А чо он забыл у нас? – Лысый продолжал гнуть свою линию.

– Не знаю, что он тут забыл, но мы приехали напомнить вам о нас. – Я кашлянул, прочистил горло и начал говорить довольно громко: – Вас было трое, но ты был самый борзый. Давай теперь один на один. Как мужик с мужиком.

– С тобой что ли? – спросил Лысый и взглянул на меня исподлобья.

– Не со мной, с ним.

– И никто из ваших не влезет?

– Никто! – подтвердил я.

– Базаришь?

– Да. Один на один, как и полагается нормальным пацанам.

Лысый испугался. Это было легко заметить. Он начал судорожно бегать глазами по зевакам, словно искал поддержки. Но те, в свою очередь, стыдливо отводили глаза в стороны.

– Один на один? – ещё раз спросил он.

– Да.

– До какого состояния?

– В смысле? – я действительно не понял вопроса.

– Ну, там... до победы. Насмерть. Пока не отключится.

– Может, тебе ещё до первой крови подраться? – насмеш-

ливо спросил я и услышал, как пацаны за мной прыснули.

– Ага, до первого попадания по лысине... – добавил кто-то, и смех продолжился.

Я видел, как Лысый мнётся. Вряд ли он боялся того, что мы влезем в драку, если Слава будет проигрывать. Скорее он боялся самого Славы, у которого чесались огромные кулаки и месть будоражила кровь.

– Ну так что? – не выдержал Слава и подошёл к нему вплотную.

Он был на добрую голову выше Лысого. Но тот был плотнее. Он стоял, как бык на привязи. Подбоченился. Втянул голову в плечи. Выдвинул челюсть и без конца зыркал по сторонам.

– Давай, – решительно сказал Лысый. – Где?

– Да хоть здесь, – ответил Слава, осматривая ступеньки клуба.

– Здесь не надо, – выступил я. – Отойдём за клуб.

Мы шли первые, а за нами, всей бесчисленной гурьбой двигалась дискотека.

За клубом оказалась огороженная площадка с ярким прожектором, словно специально для боев.

– Здесь, – ткнул я пальцем и отошёл в сторону.

Толпа тут же сделала живой ринг, окружив двух человек.

Слава снял толстовку и отдал мне.

– Тут асфальт, – резонно заметил я, намекая, что в толстовке будет не так больно валяться.

– Гонишь что ли, – удивлённо сказал он, – мне её мамка на прошлой неделе только купила. Прикинь, что она скажет, когда я вернусь в дырках.

Слава остался в футболке.

Лысый последовал его примеру и стянул с себя облегающую олимпийку.

Два бойца стали в стойки.

Бой начался.

Около минуты они скакали друг напротив друга, как шаманы перед костром. Делали короткие выпады, тёрли кроссовками твёрдый асфальт. Предпринимали кое-какие атаки, но до реального дела не доходило.

Затем, в какой-то момент, я даже не успел заметить, когда, Лысый пошёл в атаку и тут же напоролся на встречный кулак. Пошатнулся, но на ногах устоял. Слава постарался его оттолкнуть, чтобы нормально замахнуться и закончить дело раз и навсегда, но Лысый вцепился в него как клещ. Он обхватил его руками, поддел ногой и повалился на Славу.

Тут я понял, что Слава оказался в не очень выгодном положении. Ему бы держать дистанцию и бить издали, а не валяться в пыли с этим бычком.

Толпа сразу забурлила, когда Лысому удалось дотянуться кулаком до челюсти Славы. Затем ещё и ещё...

Он бил быстро и довольно тяжело. Некоторые удары шли мимо, раздирая костяшки пальцев об асфальт.

Через минуту Слава обливался кровью, и мне было не яс-

но, его ли это кровь или от сбитых костяшек Лысого.

В какой-то момент Слава перехватил инициативу, перевернул Лысого на спину и, восседая на нём, как на необъезженном жеребце, начал молотить руками. Лысый закрывал голову и извивался, как пиявка в солёной воде.

Толпа шумела.

Я и сам не заметил, как начал дико орать, подбадривая Славу и поглядывая по сторонам, чтоб никто не вмешивался в честный поединок.

Лысый ухватил Славу за руку и прижал её к своей груди.

Вначале я не понял сути этого движения. Ведь у Славы одна рука оставалась свободной, и он мог если не нокаутировать ею, то уж насовать этому Лысому мог вдоволь. Но, когда до наших ушей донёлся истошный вопль Славы, причина стала ясна.

Лысый вцепился зубами в палец Славы, продолжая закрывать голову от ударов.

В тот момент я испытал нерешительность. Вроде бы приём нечестный. Но ведь мы и не обговаривали какие-то правила. Я оглянулся на пацанов, но они не заметили этого. Они как загипнотизированные смотрели на двух валяющихся в пыли парней.

Пока я размышлял, вмешиваться или нет, Слава нашёл выход. Он больше не бил свободной рукой. Он нащупал лицо противника и со всей силы надавил на глаза.

Лысый, как та самая ворона из басни, раскрыл рот, чтобы

крикнуть от боли, и тем самым освободил окровавленный палец.

Как только Слава почувствовал, что обе его руки свободны, он начал молотить как мельница. Руки летали с невиданной скоростью. Лысый закрывался, выставлял локти и продолжал ёрзать под худым телом Славы, но это не помогало. С каждой секундой движения его становились медленнее.

Я вновь обернулся на пацанов: они, как мне показалось, не видели ничего вокруг.

В этот раз я принял решение и вмешался.

Прыгнув на Славу сзади, я зажал его руки и попытался оттащить. Пацаны подбежали, и мы уволокли Славу от едва двигающегося Лысого.

Хоть он и худой как спичка, но мощи в нём как в быке. Втроём, мы едва справились.

Слава орал, рвался в бой...

– Сука... Он мне палец откусил! – кричал он и всё-таки дотянулся ногой, чтобы ещё разок отвесить увесистый пиннок.

Когда он немного успокоился, я подошёл к Лысому, проверяя, насколько всё плохо.

Обмякший парень, в крови и пыли, сжимал руками голову и стонал. Этого мне вполне хватило для диагноза: не умер, и на том спасибо.

– И так будет с каждым! – довольно громко и пафосно заявил я толпе. – Кто будет вести себя не по-мужски.

Гордые и счастливые мы пошли обратно к машинам.

– Кофту забыл! – дёрнулся Слава и ринулся обратно.

– Она у меня, – задержал я его.

– Дай...

– Вытрись сначала.

Слава на ходу вытер окровавленное лицо футболкой.

Нет, всё-таки там была и его кровь. Рассечение над глазом тут же заполнялась новой порцией крови, и тонкая струйка прокладывала путь до подбородка.

– Поехали, дома помоешься.

В тот вечер мы возвращались, но не домой. Мы отправились на свою родную дискотеку, где нас встретили как героев.

Потом пошли в бар, где пили. Пили сильно и много. У Славы был специальный стакан, полный водки, куда он периодически макал палец, и каждый раз, сжимая зубы, говорил:

– ...как же жжёт.

Кто-то в итоге потом выпил эту водку, но это было уже под утро.

Мы отпраздновали победу, в основном поднимая тосты за Славу и за дружбу. Чтобы при любом кипише мы смогли собраться вместе и надавать нашим противникам по зубам:

– ...и выдавить им глаза, – улыбаясь, добавлял Слава.

А уже на следующий день мы узнали, что он оказался в ментовке.

Этот лысый паршивец утром снял побои и написал заявление. Что-что, а этот жест считался для нас самым низким и подлым. Мы никогда не привлекали власти.

Влез в передрагу – разбирайся сам. Не можешь сам – зови друзей. Но власти – никогда.

В тот же день я пошёл к Славиной матери, тётке Ане. Она знала меня с детства и любила так же, как все матери любят хороших друзей своего сына. Но в этот раз она встретила меня холодно. Точнее, не холодно, а очень даже горячо. Короче говоря, у меня не получилось с ней поговорить, так как она начала кричать. Кричать о том, что мы портим её сына и что из-за нас он оказался в ментовке. Конечно, в её словах была часть правды, но больше обиды и отчаяния.

В лучшем случае Славе грозило около года заключения, в худшем – до трёх.

Мне не удалось узнать, можем ли мы чем-то помочь.

– Спасибо! – прокричала мне вслед тётя Аня. – Помогли уже.

Я бы и не узнал, если бы не встретил по пути домой отца Славы, дядю Толю.

– Я извиняюсь, – первым делом сказал я.

Было видно, что дядя Толя с удовольствием бы повёл себя, как его жена. Накричал бы на меня, обвинил бы во всём друзей и вышвырнул меня за шкуру. Но он сдержался.

– Что там? – коротко спросил я, боясь посмотреть ему в глаза.

– Ничего хорошего. Менты говорят, что Слава попал по полной. Там у пацана что-то с глазом стало. То ли совсем ослеп, то ли часть зрения потерял. Плюс сотрясение, синяки, ссадины... Короче, всё разом.

– А мы можем чем-то помочь?

И в его взгляде я увидел слова тёти Ани: «Помогли уже. Хватит с вас».

– Чем теперь поможешь. Теперь остаётся только ждать и надеяться, что не дадут максимальный срок. Хотя и это глупо. Говорят, у этого пацана есть какой-то мент знакомый, который вряд ли спустит это на тормозах.

Дядя Толя по-отцовски похлопал меня по плечу и, не прощаясь, ушёл.

В тот момент меня распирали обида и чувство беспомощности.

Ведь Слава не виноват. Мы, конечно же, отомстим за него в любом случае, но ему от этого вряд ли будет легче, сидя на каких-нибудь нарах в каком-нибудь захолустье.

Не знаю, что мной двигало и что придало мне уверенности, но я встал и целенаправленно пошёл к Вове.

– Выводи своего коня, и поехали! – сказал я ему.

– Куда? Зачем?

– Давай вылезай из своей берлоги. Поехали, Славу будем выручать.

– Куда? – округлил он глаза.

– В город поедем.

– У меня даже прав нет. И документов нет. Сейчас ещё и нас загребут.

– Поехали! – довольно грубо сказал я.

– Нет, – твёрдо ответил Вова и скрестил руки на груди.

Он оглянулся на окно, не смотрит ли кто из родителей, затем спрятался за забор и достал сигарету.

– Кирилл, я очень хочу помочь Славе, но сейчас мои родоки на взводе и следят за мной, как за преступником. Они меня точно не отпустят в город. Они и так, скрипя зубами, смотрят на то, как я мотик выкатываю.

– Ты не поедешь, потому что не хотят они или не хочешь ты? – спросил я прямо.

– Они! Ты же знаешь, я бы помог.

Я задумался и через минуту выпалил:

– Тогда дай мотик мне.

– Тебе?

– А чего...

– Ты же даже ездить не умеешь.

– Научусь.

– Блин, ты сам, что ли, хочешь разбиться? Или хочешь, чтобы его менты забрали?

Я взглянул на курящего Вову и сказал:

– Спрашиваю в первый и последний раз. Дашь мотоцикл или нет?

Вова словно испугался. Жадно втягивал остатки сигареты и боялся посмотреть в глаза.

Я молчал. Стоял над ним и молчал.

И молчание это тянулось довольно долго. В какой-то момент я уже был готов повернуться и уйти, но Вова сказал:

– Ладно... Только давай минут через пятнадцать, чтобы не спалиться. Там как раз сериал начнётся, и родоки будут смотреть. Я выкачу сюда...

– Точно?

– Да. А пока давай типа попрощаемся под окном, чтоб видели, как ты уходишь.

Он встал, мы демонстративно встали напротив окна и так же демонстративно пожали друг другу руки.

Пятнадцать минут растянулись на полчаса. Или, быть может, дольше.

Сгорбленный, Вова выкатил мотик и со щенячьими глазами отдал мне. Он даже покраснелся весь, и на лбу выступила испарина.

– Только трогайся не здесь, – сказал он, ловя дыхание и вытирая футболкой пухлые, мокрые от пота щеки. – Отка-ти хотя бы до Пустоваловых. Надеюсь, там родоки не услышат. Давай, удачи. Я пошёл.

Я откатил мотоцикл за несколько дворов и остановился.

А ведь Вова был прав. Водить-то я не умею. Я даже толком не знал, как завести. Дёрнул ножку, но мотоцикл не отозвался привычным урчанием. Не закашлял, не захрипел.

Я вспомнил, что включают какой-то тумблер перед тем, как дёргать ножку. Иногда ещё снимают шланг и что-то там

подсасывают, но это потом. Мне бы хоть тумблер найти.

Спустя пару минут я нашёл заветный рычажок под сиденьем, и в следующий раз, когда я дёрнул ножку, мотоцикл начал урчать. Нет, он не завёлся, но подал признаки жизни.

Минут пятнадцать я провозился с этим аппаратом. Наверное, я провозился бы ещё дольше, если бы не дед Мишка, который помог выдрать нужный шланг, продуть и что-то там подкачать в карбюраторе.

– Спасибо! – поблагодарил я его, перекрикивая работающий двигатель.

Когда я стоял перед мотоциклом и не знал где тумблер, мне казалось, что стоит его найти и включить и у меня всё сразу получится. Но, найдя тумблер, я не смог подкорректировать карбюратор.

И вот теперь, когда мотоцикл вибрирует и урчит, я не знаю, как на нём ехать.

Несколько раз он глох, не успев сорваться с места.

Дед Миша заметил мои попытки и на пальцах растолковал, что и как надо делать.

Тонна информации о сцеплении, передачах, тормозах и поворотниках свалилась на меня в один миг.

Но с помощью всё того же деда Миши мне удалось тронуться. И этого хватило, чтобы стать капельку счастливее.

Со временем, не сбавляя скорости и даже ни разу не останавливаясь, я научился правильно переключать передачи. Я осознал, что мы с мотоциклом стали одним целым. Я чув-

ствовал, как он дрожит подо мной. Ощущал всю его мощь.

После мне было немного стыдно за свои чувства: я наслаждался ездой и свободой в тот момент, когда Слава сидел в ментовке. Но я не мог этого не испытывать. Сбывались все мои мечты о мотоцикле. О том, как мне будет круто. Как тёплый ветер будет обдувать на скорости. Как люди буду смотреть на меня, когда я на бешеной скорости проношусь мимо них. Всё это сбылось. Счастье было в каждой клетке моего тела.

Я уже точно знал, что куплю своего собственного железного коня.

До города домчался быстро. Там же было немного страшновато из-за движения. Конечно, наш районный центр не столица с её обилием машин, но всё же. У меня и два перекрёстка подряд вызывали осложнение и страх проехать неправильно и угодить в аварию.

Обошлось...

Я нагло припарковал мотоцикл без документов у ментовки и, не имея прав на его управление, пошёл к дежурному.

Вежливо попросили подождать. Я ждал. Двадцать минут, тридцать, час...

Ждал долго, прежде чем вышел мужчина в пиджаке и пригласил в кабинет:

- Ну, что нового скажешь? – сказал он и указал на кресло.
- Слава не виновен.
- Это не новое, – усмехнулся он.

– Я был там и могу дать показания.

– Показания уже собраны. Да и дело яснее некуда, так что ты зря такой путь проделал.

Я сидел в кресле, не зная, что делать. Я чувствовал скованность и даже страх перед этим человеком. Перед тем, кто так легко решает судьбы людей, не вникая в подробности дела.

– У тебя ещё есть что сказать? – спросил мужчина и уткнулся в бумаги.

– Да. Слава виновен, – неожиданно для самого себя выпалил я.

– То есть как? – он оторвал удивлённый взгляд от стопки бумаги и, улыбаясь, посмотрел на меня. – Значит, ты лгал минуту назад?

– Да. Слава виновен. Виновен по всем статьям. Виновен потому, что отмудохал того Лысого. Виновен, что учинил драку. А также виновен в том, что за неделю до этой драки его была компания во главе с Лысым...

– ...потерпевшим, – поправил мужчина и рукой указал продолжать.

– ...компания во главе с потерпевшим. Их было три или четыре человека, а Слава был один. Они сильно избили его и бросили под окнами клуба, где он пролежал до утра, весь в крови и ссадинах. Естественно, мы решили, что это дело нельзя так оставлять.

– А чего же к нам не обратились?

Я боялся этого вопроса. Знал и был уверен, что он прозвучит, но внятного ответа не придумал. Придётся выкручиваться.

– Вас как зовут?

– Иван Александрович.

– Иван Александрович, пожалуйста, вспомните себя в детстве. Не в детстве, а в подростковом возрасте. Вы дрались?

Иван Александрович улыбнулся, вновь взглянул на меня удивлённым взглядом и словно бы погрузился в прошлое, выискивая моменты, когда он один на один выходил с дворовыми ребятами.

– Было дело, – после некоторого молчания сказал он. – Дрался.

– И когда вы побеждали или проигрывали, вы шли к властям?

– Нет. Но это было другое дело. Мы дрались как-то безобидно. Пара синяков и ссадин, а тут и сотрясение, и частичная утрата зрения, и ушибы, и ссадины. Да у вас там почти до убийства дошло.

– Но ведь не дошло, – тут же вставил я. И погода добавил: – И не дошло бы. Потому что я был рядом. Могу сказать вам одно: драка была честной. Никто не лез. Они были один на один, как и полагается нормальным мужикам.

Иван Александрович не поддержал разговор про нормальных мужиков. Но что-то его зацепило. Он стал по-дру-

гому смотреть на меня. Не как на пацана, который просит пощады, а как на человека.

Я же сидел и ждал хоть единого его слова. Вцепился потными руками в подлокотники и чувствовал, что стоит мне отпустить их – упаду.

– Если честно, – наконец-то сказал он хоть что-то. – Я тебя понимаю. Я тоже за справедливость и считаю, что пацаны должны разбираться сами между собой. Особенно если они сверстники. Но, главное, нельзя выходить за предел. Так сказать, по-мужски я тебя понимаю, но сделать всё равно вряд ли чего смогу. Делу уже дали ход. У нас есть заявление, есть свидетели, есть побои. И самое главное, у потерпевшего есть один знакомый в нашей структуре, который не даст делу обратный ход. Так что извини. Я бы помог, но не могу.

– И что же делать?

– Ждать и надеяться, что не вколотят ему по полной.

– А если?.. – довольно громко спросил я и тут же замолчал, испугавшись собственной мысли и собственной наглости.

– Продолжай.

– А что если этому хорошему знакомому сделать жизнь чуточку легче, – почти шёпотом сказал я.

Иван Александрович сурово посмотрел на меня.

– Взятку что ли предлагаешь?

Естественно, я предлагал взятку. Но стоит ли мне говорить это так открыто? Или же дать заднюю?

– Если они действуют не по правилам, то почему мы должны играть по правилам? – уклончиво ответил я.

– Здраво рассуждаешь. Но ты, смотри, аккуратней с такими высказываниями. За них ведь тоже впаять могут.

– Никогда раньше этого не делал и впредь делать не буду, – твёрдо сказал я. – Сам не люблю таких людей, но это крайний случай. Это исключение.

– Тебя-то хоть как зовут?

– Кирилл.

– Так вот, Кирилл. Иди-ка ты домой, а мы тут попробуем сами разобраться.

– Но...

– Никаких но. Иди домой и жди. Глядишь, чего и образуется. А хотя... – Иван Александрович задрал глаза к потолку. – Подожди на улице полчаса. Если я не выйду через это время, можешь ехать домой.

– Спасибо, Иван Александрович, – я вскочил со стула и чуть ли не в пол упал, распыляясь в благодарностях. – Спасибо, что стараетесь за справедливость. Спасибо, что не оставляете это просто так. Спасибо вам... спасибо.

Не знаю, чему я радовался, но из ментовки я вышел с настроением, словно уже освободил Славу, и он сейчас собственной персоной явится на пороге.

Эх, подумал я, надо было попроситься увидеться с ним. Что-то я не подумал.

Я откатил мотоцикл в тень, подальше от лишних глаз,

а сам завалился на лавочку.

Ожидание затянулось. У меня не было часов, и я не знал, сколько прошло времени. Возможно, именно это и сыграло мне на руку. Наблюдая, как далеко ушла тень от здания, я знал, что времени прошло уже часа два – не меньше. Но я продолжал себя убеждать, что, не имея часов и точных доказательств, не стоит торопиться. Подожду ещё...

Ждать пришлось до самого вечера. До того момента, когда тень растворилась на сером асфальте.

– О, ты всё ещё тут? – сказал Иван Александрович, выходя из ментовки.

– Ну что там?

– Где?

– Со Славой.

– Плохи дела с твоим Славой. Но ты, гляжу, преданный как собака, – усмехнулся он и присел рядом.

Сел и замолчал. Я поддерживал молчание, боясь разорвать тишину.

– Так вот... – начал Иван Александрович, смотря в сторону. – Я поговорил с этим человеком и сказал ему, что ты настроен решительно. Ведь это так?

– Так. Так.

– Он сказал, что может кое-что сделать, но для этого его жизнь надо будет сделать чуточку лучше, как ты выразился.

– Сколько? – спросил я.

– Много.

– Сколько?

– Он мне не сказал точную цифру, но там тысяч пять придётся отвалить?

– Пять? – искренне удивился я. Для меня это были большие деньги. Да что там для меня. Для всех в нашем селе это были большие деньги.

– Завтра жду тебя с решением.

– Завтра? – удивился я ещё больше.

– Бывай.

Он похлопал меня по плечу и ушёл.

Я не теряя времени подбежал к мотоциклу, с первого раза завёл его и помчался обратно.

Хорошую ли я новость везу? – думал я.

Вряд ли эти деньги есть у родителей Славы, но если поднатуриться, то можно наскрести.

С матерью я не разговаривал. Позвал дядю Толю и с ним же всё обсудил. Рассказал, как было. Сказал, что уже завтра нужны деньги.

Дядя Толя выслушал меня, затем сходил домой (видимо, советовался с женой), вышел и сообщил отвратительную новость.

Денег нет. Максимум что у них есть – это полторы тысячи. Возможно, займут у друзей и родственников, но даже так вряд ли насобирают нужную сумму.

– Я всё равно к вам завтра зайду.

Утром я помчался к дяде Толе.

Он сказал, что спросили у всех и им всё равно не хватает четырѐхсот.

Я взял увесистую пачку денег. Никогда в жизни не держал в руках столько деньжищ. И как они мне доверились? Я ведь, по сути, такой же пацан как Слава. Но думать было некогда.

Возвращаясь домой, я уже знал, что буду делать.

Разворошив тряпки в шкафу, я достал металлическую коробку, откуда вытащил свои сбережения. С тяжѐлой душой соединил две пачки денег и для верности пересчитал. Ровно.

Вновь подо мной был стальной конь, на котором я мчался в город.

Иван Александрович был крайне удивлѐн, что у меня получилось. Он сказал, чтобы я оставил пакет под деревом и ушѐл.

Я так и сделал.

Естественно, я боялся, что кто-то найдѐт этот пакет. Боялся, что Иван Александрович заберѐт деньги себе и скажет, что ничего такого не было. Но так как это был единственный шанс, то я решил его использовать.

Больше я Ивана Александровича не видел.

Спустя две недели состоялся суд, где Славе дали условку на полтора года. Не знаю, был ли это результат взятки или же всё само собой сложилось, но мне было плевать. Я был рад, что Слава на свободе.

– Ну что, рад, что кофта цела? – спросил я Славу, когда впервые увидел его.

– Какая кофта? – удивился он.

– Та, что тебе мамка купила.

Мы посмеялись.

Удивительно, но за этот неполный месяц, он сильно изменился. Слово его не было год или, быть может, два. Он возмужал и больше не походил на подростка. Больше на мужика.

Спустя три дня у нас со Славой состоялся разговор. Я вновь стоял на своём и предлагал отомстить. Выловить по одному. Устроить тёмную. Но не оставлять это дело в подвешенном состоянии.

– Я тоже об этом думал, – ответил Слава.

– Тебе нельзя, на тебе условка. Мы как-нибудь сами справимся.

После долгих разговоров, а точнее уговоров, на это дело решились только пять человек. Языком чесать все горазды, а как доходит до дела, то куда-то прячутся и разъезжаются по родным и близким.

Труднее всего мне пришлось с Вовой. Он тоже пытался соскочить, но я настоял на своём и буквально втянул его в это дело.

К нашему несчастью, кто-то проболтался тем ребятам, что мы выехали отлавливать их по одному.

В итоге, они собрали толпу, человек двадцать и загнали нас в брошенное здание старого клуба.

Нас было пятеро. Их двадцать, не меньше.

Мы стояли спиной к стене под открытым небом. Крыша давно прохудилась у этого клуба. У нас было всего два выхода. У первого стояли они. А вторым был маленький лаз, в который и один человек едва втиснется.

– Ну что! – крикнул Лысый. – Поймали!?

Он сделал шаг, и толпа ступила следом.

Я видел злые лица. Видел, как противники разминали кулаки и медленными шажками приближались к нам. Они казались огромной стеной, которая неторопливо, но упорно надвигается и рано или поздно сомнёт нас.

У меня впервые, со случая с тарзанкой, задрожали колени. Я пытался взять себя в руки, чтобы не опозориться перед пацанами, но не мог. Колени предательски тряслись. В груди kloкотало сердце. Я даже не мог вымолвить ни единого слова в ответ Лысому.

Я оглянулся на своих пацанов. Лица испуганы. Всё ждут какого-то чуда.

Стена из людей продолжает наступать.

Я делаю шаг назад и спотыкаюсь на камне.

Камень!

Наклоняюсь и хватаю куски кирпича.

– Я знаю, что этого мне не хватит, чтобы проломить каждую вашу голову, – говорю я уверенно. Словно секунду назад не у меня тряслись колени и не мое сердце плевалось как залитый карбюратор. – Знаю, что вы победите, но!.. Но обещаю: первый, кто подойдёт, получит этим кирпичом в голо-

ву. Я вдолблю его в черепушку, засуну туда руку и вытащу ваши мозги.

Боковым зрением вижу, как мои пацаны хватают камни в руки.

Тишина...

Тяжелая тишина нерешительности.

Мы стоим, прижатые к стене, сжимая в руках осколки кирпичей.

Но толпа остановилась. Она замерла в нерешительности. В их уверенных глазах появился страх. Я вижу его. Я его чую.

Они переглядываются друг с другом, всё больше посматривая на Лысого, который и должен решить исход.

Мы стоим.

Я знаю, что они отступят. Я вижу это по их движениям. Они мнутя. Ряды дрогнули, и теперь самое главное – не дрогнуть нам.

В этот момент я слышу сзади какой-то шорох. Оборачиваюсь и вижу, как Вова, бросив кирпичи, пытается втиснуть своё толстое тело в крохотный лаз.

Этого было достаточно, чтобы толпа пришла в себя и поняла, что мы проиграли.

Не успеваю я обернуться, как чувствую резкую боль в руке – чей-то острый камень прилетел мне точно в запястье.

Лысый наклоняется, хватая камень и запускает в нас. Толпа следует его примеру. Град камней посыпался на нас. А после...

После все эти двадцать человек сломя голову побежали.

Едва мы успели выпрямиться после обстрела камнями, как они уже были в шаге от нас.

Кому-то я таки заехал в челюсть. Но это был первый и последний удар, нанесённый мной в этой драке.

Мне тут же вернулась ответка. Искры, молнии и звезды засверкали в глазах.

Боли не было. Была жуткая обида, что мы, не проиграв, всё-таки проиграли. Я сжался в плотный комок, обхватил руками голову и катался по острым кирпичам под градом ударов.

И всё это время я вспоминал лишь толстый Вовин зад, который пытается протиснуться в крохотную дырку.

Комната вновь выкинула меня. Я не сразу сообразил, что именно произошло. Я это я. Я в доме. А только что был в комнате.

Видимо, мозг решает многое. Потому что впервые почувствовал фантом боли в этом мире. В этом доме. В этом месте. Мне показалось, что у меня кровоточит рука. Машинально посмотрел на руку – всё в порядке. Рука целая. Но голова болит. Даже не болит, а раскалывается, словно кто-то действительно проломил мою черепушку и достает из нее мозг. Жидкий, серый мозг.

Но это состояние длилось недолго. Через минуту это прошло. Я вновь стоял посреди коридора в одной тряпичной накидке.

Естественно, меня подмывало узнать, что же будет дальше. Каким был исход драки? И что вообще здесь происходит?

Прежде чем шагнуть в темноту, вдруг вспомнил о странном вопросе, который задавал. Задавал кому? И какой был вопрос? Но события тёмного пространства не дали завершить мысль.

Эта комната приняла меня особенно нежно. Помимо светового вихря я впервые почувствовал тепло. Настоящее тепло, которого, казалось, не чувствовал уже многие годы

Комната третья

Тепло комнаты, как вязкая масса, обволакивает. Мне становится уютно и хочется спать. Я словно лечу в капсуле, наполненной жидкостью. От блаженства закрываю глаза и чувствую, как погружаюсь в глубокую яму сна. Даже не сна, а лёгкой дрёмы. Мозг продолжает соображать, но уже не так чётко. Мысли становятся заторможенными и плавно перетекают из одной в другую.

Открываю глаза, когда меня в бок толкает бородатый мужик в телогрейке.

– Вставай, работа подвалила.

– Да, сейчас, – говорю, едва ворочая сухим языком.

– Давай шустрее. Там две фуры.

Я протираю заспанные глаза, поднимаюсь с точно такой же телогрейки, что и на мужике, и вытягиваю руки. На правой руке замечаю длинный шрам.

Это какой-то цех... или склад.

Следую за мужиком, понимая, что жутко хочу спать. Или же просто отдохнуть. Завалиться бы рядом с этим холодильником и забыться.

Едва перебирая ногами, мы выходим на улицу.

Жёлтый свет фонарей освещает широкую парковку для фур. С неба сыплет дождь. Холодный. Противный. Как сквозь сито пропущенный.

Меня знобит от холода. Я с сожалением вспоминаю то уютное место возле холодильника, где было тепло и приятно под толщей телогреек, хоть там было и шумно.

Сознание ещё плавает, когда я залезаю в фуру и начинаю подавать какие-то коробки.

– Опять докторская, – бубнит напарник, принимая коробки и складывая их на паллете.

– Вчера была сырокопчёная, сегодня докторская. Среднему классу необходимо разнообразие, – говорю я, приходя в сознание.

– Сегодня ещё две фуры намечаются, так что поспать вряд ли удастся.

– Где только наш брат не выживал.

Около часа, коробка за коробкой, мы выгружали колбасу. При этом мужик, которого зовут Стёпа, каждые пару минут крыл начальство резким матом и негодовал по поводу того, что в нормальных странах всю эту работу выполняют роботы.

– В нормальных странах хотя бы подъезд сделан нормально. В нормальных странах людям дают рохли или даже кары, на которых можно эту фуру за десять минут разгрузить.

– А сколько стоит этот агрегат? – интересуется Стёпа и закидывает коробку почти на самый верх. е

– Не интересовался, – передаю я ему очередную порцию колбасы.

– Может, нам поднапрячься бригадой да купить себе та-

кую штуку. Будем работать вдвоём, а получать, как вся бригада, – мечтает Стёпа.

– Будем работать вдвоём и получать ещё меньше, потому что будем меньше работать. Не раскатывай сильно губу, – прерываю его размышления.

– Дай хоть помечтать спокойно. Вечно ты со своим пессимизмом ко мне лезешь.

Разгрузив фуру, он позвал водителя, а я пошёл в каптёрку, где выключил проржавевший и выдавший виды чайник. Заварил две чашки крепкого чая, которым мы запили по бутерброду с докторской. Вошёл Юра, бригадир, и выгнал нас на разгрузку очередной фуры.

Вся ночь прошла как в тумане. Тёмные коридоры. Шум рефрижераторов. Бесконечные коробки с красивыми рисунками колбасы. Запах всё той же колбасы. И усталость...

Усталость сопровождала всю ночь. Под утро я едва стоял на ногах, пытаюсь стянуть коробку с самого верха, чтобы отдать Стёпе. Глаза закрывались. Я буквально засыпал на ходу. Стёпа пытался подбадривать меня, хотя сам выглядел не лучше. Слипшаяся от дождя борода прядями спускалась на грудь. Замызганная и засаленная телогрейка и та не выдержала нагрузки и разошлась по шву от рукава до пояса.

Он удивлённо посмотрел на выбившуюся вату и задрал руку вверх:

– Меня как будто ранили, – сказал он и сменил телогрейку.

ку. Точно на такую же грязную, разве что не порванную.

Светало.

Юра собрал бригаду в тесной каптёрке и раздал получку.

Трясущимися руками я взял деньги и спрятал в карман.

– Пересчитай, – посоветовал Стёпа, когда мы вышли.

– Не могу, – честно ответил я. – Даже считать уже не могу.

– Дай тогда я пересчитаю.

Я вынул деньги и отдал ему.

Он послунявил грязный палец и быстро, словно кассир, пересчитал купюры.

– Правильно, – вернул он деньги. – В следующий раз считай. Они на том и наживаются, что мы уставшие как черти и даже считать ленимся. Этот Юра только выглядит добреньким и дружелюбным. На самом деле он обманывает только в путь. Поверь мне.

– Верю, – сказал я и пошёл переодеваться.

Я стянул пропахшую колбасой робу и повесил на вешалку. Телогрейку скинул в общую кучу, где уже было штук семь или восемь. Видимо, телогрейки всегда здесь валяются, и каждый берет первую попавшуюся под руку.

Стёпа разделся и залез в душевую кабинку с толстым слоем ржавого налета.

– Как же бодрит-то! – кричал он из душа.

– Тёплая? – спросил я, натягивая джинсы.

– Если бы.

Пока я вяло двигался и пытался переодеться, Стёпа успел

ополоснуться, обтереться, и в итоге оделись мы в одно время.

– Ладно, давай до следующей смены.

– Давай, – Стёпа крепко пожал руку (откуда у него только оставались силы) и, выглянув за дверь, подмигнул и сквозь бороду пропищал: – Пс... Я там взял немного. Тебе надо?

– Чего? – спросил я.

Вова распахнул чёрную куртку и показал мне пять палок варёной колбасы, аккуратно подвешенных на куртке.

– Колбаски не желаете? – он хитро сощурил глаза.

– Нет, спасибо.

– Все вы поначалу честные. Бери.

Я уже было потянулся, но в самый последний момент отдернул руку.

– А по-другому не выживешь, – заметил Стёпа. – Они на нас вон как наживаются, чего бы и нам немного не прибрать к рукам. Особенно, если нам это положено.

– Не положено это нам, – помотал я тяжёлой головой. – Да и не люблю я всякие взятки и прочее. Меня от них воротит.

– Воротить будет, когда тебя выжмут как лимон на этой работе и выбросят без пенсии, без больничного и без отпуска. Тогда-то вспомнишь. Я в свое время тоже влияние имел, а теперь вот колбасу к куртке подвязываю.

– Нет, – повторил я. – Один раз я давал взятку. И то не ради себя. Давно это было. Как вспомню, до сих пор противно становится.

– Ну, как знаешь. Мне, значит, больше достанется. Только ты это... никому. Понятно?

– Не скажу. Будь уверен.

Мы снова пожали руки, и я вышел в холодное осеннее утро.

Дождь продолжал горохом сыпать с неба. Иногда проскакивали снежинки. Тяжёлые, мокрые, как куски пластилина.

Дорогу домой помню плохо. При каждом удобном случае я отключался и засыпал. Облокочусь где-нибудь в автобусе и сразу засыпаю. Дойду до перрона, присяду на лавочку и снова засыпаю. Возвращался на автопилоте.

А вернувшись, тихонечко отворил дверь комнаты в общезжитии и без сил повалился на матрас.

Спал крепко. Как младенец после долгой прогулки.

Проснулся по будильнику в четыре часа дня.

Умылся, закинул на ходу булочку с маком, запил чаем, натянул пропахшие колбасой вещи и вышел на улицу. Благо ехать никуда не надо.

Дошёл до ларька у остановки, где меня встретил Николая в дорогом кашемировом пальто и с кожаным кейсом в руках.

– Ты чего? – не здороваясь, спросил он, держа в руках новомодный сотовый телефон.

– Не выспался.

– В следующий раз чтоб выспался, – наказал он. – Мне нужны свежие лица и свежие голоса. Не хочу, чтобы покупатели с тобой, как с улиткой, разговаривали, – сказал он

и сам же посмеялся над своей остротой. – Сегодня должны привезти товар, так что вот тебе деньги, отдашь водиле. И не забудь всё посчитать и проверить. Ты понял?

– Понял.

Он протянул конверт и, не попрощавшись, сел в тонированную тачку.

– Ну что, как торговля? – спросил я тётю Любу, когда втиснулся в ларёк.

– Ни шатко ни валко, – ответила тучная баба, занимавшая большую часть ларька. – Считай выручку скорее, мне за Стасиком в садик топать.

Пока я считал деньги, она собиралась и передавала свежие новости.

– ...в книге я записала ещё Лишая. Он утром взял бутылку в долг, обещался вернуть сегодня вечером. Смотри внимательно за сигаретами, там ценник немного изменился. Эта пачка печенья отсырела, я её отложила в сторону, не трогай и не вздумай продавать. Я завтра у Николая спрошу, может, он мне по дешёвке отдаст. Бугай со своей шалавой сегодня вернули долг и хотели тут же ещё набрать. Но ты, смотри, не вздумай им давать. Они потом скриваться начинают, и от них денег не допросишься, – тётя Люба замерла, осмотрела тесное помещение, заставленное доверху товаром. – Вроде бы всё сказала. Вроде ничего не забыла. А, стой... Там под кассой ещё деньги есть, их не трогай. И водку вот эту, – он отвернула край покрывала и показала полупу-

стой ящик, – не продавай её. И смотри, чтоб Николая не заметил, если вдруг соизволит к нам заглянуть. А так, всё по-старому. Всё, я ушла.

Она протиснулась в узкую дверь и исчезла в осенней сырости.

Только я устроился на ветхом стуле, как в окошечко постучали.

– Это снова я! – заглядывая в решётчатое окно, почти крикнула тётя Люба. – Николая запретил запирать окно.

– Так ведь холодно! – тут же возмутился я.

– Ничего не знаю. Он сказал, что из-за этого продажи падают.

– И ночью не запирать?

– Ночью особенно.

Я недовольно хмыкнул.

– Николая сказал, что придумает нам какой-то обогреватель. Но и предупредил сразу, чтобы мы особо его не палили, а то света много жрёт.

– Придумает он, конечно.

– Всё, ушла.

В этот раз тётя Люба действительно ушла и не появлялась до следующего утра.

Я всю ночь просидел в ларьке на дырявом ватном одеяле, укутанный в три пледа.

Приходили люди, покупали в основном сигареты и спиртное. Приходил и тот самый Бугай, которому запретили да-

вать в долг.

Ближе к вечеру народ потянулся вереницей. Спиртное разлеталось как горячие пирожки. А быть может, и лучше. Товар так и не подвезли. У меня закончилась водка, и пришлось продать две бутылки из полупустого ящика под покрывалом.

Утром тётю Любу чуть инфаркт не хватил, когда она недоисчиталась двух бутылок.

– Кирилл, я же тебе говорила не продавать, – не то взмолилась, не то негодовала она.

– Товара не было.

– Да мне плевать, что не было товара. Это моя водка... – сказала она и тут же замолчала, понимая, что проговорилась.

В общем-то я и сам подозревал, что она продаёт свой алкоголь, и, скорее всего, не только алкоголь.

– Чего вы так переживаете? Придёт партия, заберёте свои две бутылки.

Тётя Люба недовольно хмыкнула, упёрла руки в бока, тем самым съев последнее свободное пространство в ларьке, и демонстративно отвернулась.

– Деньги за товар под кассой, – сказал я и буквально вытек на улицу.

Работа здесь, конечно, будет полегче, чем разгружать фуры с колбасой, но тоже, как говорится, не фонтан. Вечные пьяные хари лезут сквозь узкое окошечко. Холодно и сыро. Ни поспать, ни подремать. Всю ночь кому-то что-то надо. То

водка закончилась, то сигареты, то ещё какая-то мелочь.

Точно такой же убитый и раздолбанный, как вчера, я вернулся домой и завалился на матрас. Мне даже не хватило времени понять, где и как я живу. Как обставлена моя единственная комната.

Бежевые обои, потрёпанное кресло и матрас у стены. Старый советский шкаф и одна тумбочка от кухни возле окна, где стоит чайник, пара кружек с тарелками и половина булки.

То, что это общежитие, я понял вчера, когда вернулся после ночных разгрузок. Соседей не встречал. Да и некогда мне было их встречать. Пришёл, завалился спать. Проснулся, закинул кое-какую еду и дальше на работу.

В этот раз я почему-то долго не мог уснуть, хотя тело только и просило отдыха и сна. И как можно больше. Глаза пекло от света. Я задёрнул штору и вновь упал на дешёвое синтетическое постельное бельё.

Перед сном я молил лишь об одном – только бы мне не пришлось идти сегодня на работу. Ни на склад, ни в этот чёртов ларёк, больше похожий на гроб.

Проспал я до самого вечера.

Выспавшийся, но совсем не отдохнувший, я решил прибраться в комнате. Закинул немногочисленные вещи в шкаф, где под тряпками заметил старую металлическую коробку, в которую когда-то скидывал деньги на мотоцикл.

И в этот раз там оказались деньги. Намного больше, чем в детстве. Ради собственного удовольствия я достал пачку

купюр, пересчитал, прикинул в уме, сколько ещё надо, и аккуратно вернул коробку на дно шкафа.

До поздней ночи я просидел в комнате, читая книгу. Иногда отвлекался, задумывался о чём-то и вновь погружался в чтение.

Утром проснулся раньше, так как кто-то отчаянно колотил по двери.

– Кирилл! Кирилл! – кричала соседка Настя и молотила по фанерной дверце.

Я вскочил на ноги, быстро натянул штаны и открыл дверь.

– Да! – ответил я спросонья.

– Там тебя какой-то парень к телефону.

Пошатываясь, я побрел по коридору, где висел общий телефон.

– У аппарата.

– Здорово, Кирюха, – приветствовал знакомый голос.

– Привет.

– Есть минутка? Поговорить надо, – всё тот же голос, который я никак не мог определить.

– Ну?

– Тут дело такое. У меня, короче, зачёт один не сдан, а деньги совсем закончились. Точнее, не закончились, но мне ещё за квартиру платить. Короче говоря, я немножечко попал в неприятную ситуацию. Родокам я сообщать не хочу. Хочу как-то сам всё решить. Поможешь?

Это был Вова. Я узнал его по последнему слову. Но поче-

му?..

Почему я до сих пор поддерживаю с ним связь. Неужели мне не хватило двух комнат, где он показал свое истинное лицо. Неужели молодая память такая короткая и так быстро прощает все подлости? Но мне оставалось только наблюдать, молча сидя в собственной голове.

– А от меня ты чего хочешь?

Вова замялся. Это было слышно даже через телефон. Чувствовалось даже на расстоянии, что он стесняется.

– Ну? – не выдержал я молчания.

– Мне бы денег чуть-чуть подкинуть.

– Так ты мне ещё с прошлого раза торчишь.

– Я отдам! Отдам! Просто сейчас всё как-то навалилось сразу. Я же говорю, не сдал один зачёт, и пришлось те деньги, которые я должен был отдать за квартиру, отдать препода. Вот и не сходится у меня теперь дебет с кредитом.

– А у родителей?

– Нет, – испугался Вова. – Им я говорить точно не буду. Они меня тогда вообще пришьют. Я только в прошлом месяце у них брал дополнительно. Ну так что?

– Денег я не дам, – твёрдо сказал я и *моё истинное я, которое сидело в голове этого парня, встало и начало аплодировать. Я был горд сам собой.*

– Что, вообще нету?

– Есть. Но дать не могу. Мне они тоже как бы нужны.

Вова молчал. Я чувствовал, что он хотел просить ещё раз,

но боится. Вместо этого я сам выдвинул предложение.

– Могу тебя на подработку устроить. Разгрузишь пару фур и зарабатываешь.

– Мне они сегодня нужны, – паниковал Вова.

– Сегодня не выйдет. Там расплачиваются в середине месяца. Нет, конечно, ты можешь поговорить с Юрой, это наш начальник, но не думаю, что он согласится сделать ради тебя исключение.

– А по-другому никак?

– Что никак?

– Ну, деньги добыть. Чтоб быстро. Я отработаю. Просто мне жить негде будет.

– Можешь перекантоваться у меня, если совсем туго. Но денег я не дам.

– Спасибо и на этом, – сказал он так, словно сделал одолжение. – Я с тобой тогда позже свяжусь.

– Давай.

Позже наступило через два часа. Он позвонил мне, когда я работал в ларьке. Тётя Люба попросила выйти за неё в день.

Вова сказал, что зайдёт ко мне со всеми пожитками через час.

Спустя час он действительно сунул своё пухлое лицо в окошко и шутливым голосом произнёс:

– Кошелёк или жизнь?

– Не в твоём положении сейчас такие вопросы задавать.

– Как раз в моём. Сейчас ломану твою кассу. Много денег,

и, что самое главное, сразу.

– Я тебе потом так ломану, – улыбнулся я. – Давай заходи.

Правда, тесно тут у меня. Не для твоей комплекции ларёк.

– Да, точно не под меня строили.

Вова втиснулся ко мне с огромной спортивной сумкой.

С годами он раздобрел пуще прежнего. Чёрная шапка волос. Пухлое лицо с тёмными густыми бровями и довольно плотная щетина, что совсем не сочеталась с его внешностью. Возникало ощущение, что эта недоборода искусственно приклеена, как у актера.

Я радушно встретил Вову. Самое удивительное, что я был действительно рад его видеть.

Утром он разбудил меня, и, видимо, поэтому я был так груб и неучтив с ним. А теперь...

Теперь мы обнялись, похлопали друг друга по спинам и сразу и кое-как расселись в ларьке. Ему я уступил ветхий стул, покрытый дырявым ватным одеялом, а сам уселся на два ящика пива.

– Ну рассказывай, как тебя угораздило пуститься по миру? – так же шутливо спросил я.

– Не всё пошло по плану, вот и завязался узелок.

– Дома давно был?

– Недели две, как приехал. А ты после армейки так никуда и не поступил?

Меня немного задел этот вопрос. Не было желания говорить, что и у меня далеко не всё сладко. Иначе бы я не пахал

на двух работах как проклятый.

– Куда мне уже, – махнул я рукой.

– И чего тебя понесло в армию. Мог ведь откупиться.

Не хотелось говорить, что откупиться как раз таки я не мог. Мать не потянула бы, а я тогда сам без денег сидел.

Да и не хотел я откупаться, если уж совсем честно.

– Армия тоже своего рода школа. Школа жизни.

– Да ну... – ухмыльнулся Вова. – Столько времени потерял и ничему толком не научился.

– Армия не учит. Она дурь выбивает.

– Иногда она её так выбивает, что вместе с дурью и почки выходят.

– Бывает и такое. Но сейчас мне уже поздно учиться. Я на другое денежки коплю.

– Бизнес?

– Типа того.

– Бизнес – это хорошо. У нас на курсе один пацан тоже бизнесом занялся. Теперь вообще не парится. В универе не появляется, а все зачёты сдаёт на отлично.

– У нас по всей стране так. Есть деньги, значит, будут тебе и зачёты, и всё что захочешь. Ты мне лучше расскажи, что там дома, а то я уже года два не был. С матерью разговаривал, но она мне о своих делах рассказывала. Что там с пацанами? Как они там? Честно говоря, соскучился.

– Да что там может измениться. Разбежались кто куда. Макс в город уехал. Вроде как в Москву сорвался. Слава вах-

товиком на Север записался. Сейчас гоняет туда по два месяца. Два месяца батрачит как вол и два месяца потом бухает. Деньги закончатся, поможет чуть дома по хозяйству и обратно на Север в бараки...

Вова пустился в длинный рассказ о доме, хотя в самом начале сказал, что ничего там интересного не случается. Но для меня каждая новость была интересной. Я с улыбкой слушал о родном селе, где прошло мое детство. С горечью вспоминал лица пацанов, и мне не удавалось представить их в этой новой для них роли – роли взрослых. Кто уже женился. У кого-то появились дети. Кто-то спивается. Мне казалось, что это могло произойти с кем угодно, но не с нами: молодыми, амбициозными, здоровыми. Не может Слава пить напропалую, как какой-то алкаш. Точнее, мне в это совсем не верилось. Или же я отказывался верить.

Илюха женился на Верке Шестовой. Лёха на Машке. На Машке! На той самой Машке, которую мы дразнили из-за её заикания. Денис пока ещё не женился, но ходят слухи, что он завёл какой-то бурный роман со взрослой женщиной из районного города. Он, конечно, скрывает это, но в деревне уже всё давно знают: кто она, сколько ей лет, где потеряла мужа, какое у неё состояние. В общем и целом в деревне знают больше, чем знает сам Денис.

С камнем на сердце я слушал рассказ, погружаясь в глубокие воспоминания.

– Ты-то не собираешься жениться? – спросил я Вовку, ко-

гда он замолчал.

– Собираюсь. Вот закончу универ, устроюсь на работу и женюсь. Если, конечно, поезд раньше не уйдет.

– В смысле?

– Да хочу Катьку в город перетащить. Честно говоря, хочу здесь и обосноваться. Связи есть, родители пристроят. Почему бы не воспользоваться... – он продолжал тараторить. А я смотрел, как скачет его второй подбородок. Дрожит. Перекачивается волной жира от кадыка до бороды, и думал о Кате. Одно лишь упоминание о ней всколыхнуло во мне все чувства, которые давно таились на дне. Спрятались за рабочей рутинной. За решётчатым прилавком. За высокими паллетами с колбасой. Укрылись глубоко и тщательно до такой степени, что не верилось, что у меня когда-то вообще были эти воспоминания.

Не знаю, почему, но именно детский облик возник перед глазами. Чёрные гладкие волосы, которые отливают на солнце, слегка раскосые азиатские глаза и ямочки. Две маленькие ямочки на щеках. Пожалуй, эта самая милая и самая притягательная черта в ней.

Вспомнил, как в детстве дразнили друг друга. Как приглядывались друг к другу, когда стали чуть старше. Как она надменно смотрела на нас, когда начала встречаться с ребятами постарше. И всё равно... Даже сквозь этот высокий и надменный взгляд я видел, как ей нас не хватает. Естественно, я мечтал о том, чтобы она думала так именно обо

мне, что ей не хватает моего общения. Моего твёрдого мужского, тогда ещё пацанского плеча. Ей не хватает моих шуток. И, хотя я никогда не был юмористом, она смеялась. Смеялась искренне.

Иногда, я задумывался: а что было бы, если я, хоть раз решился подойти к ней и сказать: «Давай встречаться»? Как бы она отреагировала? Послала бы меня куда подальше. Или же улыбнулась бы и прыгнула ко мне в объятия.

Я очнулся от воспоминаний, когда Вова всё ещё говорил о Кате. Он мечтательно уставил взгляд в потолок и рассуждал, как они будут жить.

– ...я где-то в администрации приткнусь. В нашем городе, конечно, полегче было бы. Там мой батя ко всем начальникам с ноги дверь открывает. Здесь такого нет... Ну да ладно. Пару лет потерплю, а там как пойдет. Главное Катьку перетащить, мать говорит: она там одна как тюльпан в траве. Цветёт, но скоро её забьют. Превратится в такой же сорняк. Короче говоря, из девушки в бабу переделается. А мне не хочется на бабе жениться, – как нарочно на больное давит. – А у тебя что? Не надумал семьёй обзавестись?

– Думал, – уклончиво ответил я. – И продолжаю думать. Надо бы на ноги встать сначала.

– Ну ты, я гляжу, становишься, – как-то свысока сказал Вова и оглядел провисший потолок ларька.

Он пробыл со мной до конца рабочего дня, после чего мы пошли в общагу. Я, как учтивый хозяин, уступил мат-

рас, а сам кое-как разместился на кресле, подставив под ноги стул. Спать было неудобно, но всё же лучше, чем под телогрейками на сыром бетоне.

За несколько дней я понял, откуда у нас такая привязанность друг к другу. Мы оба мечтали об одном – стать богатыми и стать на ноги. Правда, пути у нас расходились, но цель была одна. Я думал заняться бизнесом, а Вова метил в чиновники. И я, и он понимали, что с зарплатой чиновника особо богатым не станешь, а вот со всеми взятками, которые я нутром не перевариваю, можно довольно быстро набить карманы.

Но не только это нас связывало. Каким бы он ни был в прошлом, он всё-таки оставался другом детства. Ведь у каждого случаются неудачные моменты и неправильно принятые решения. Каждый может ошибиться, и настоящий друг всегда поймёт и простит. А я считал себя настоящим другом.

Вова также занимал место связного между мной и домом. Иногда я и сам звонил пацанам, но свежие новости и сплетни мне приносил Вова. Вот как сейчас, пока живёт у меня неделю-другую, каждый день вспоминает что-то новое и рассказывает.

Я чувствовал, как соскучился по обществу. По обычному разговору за чашечкой чая или за бокалом пива. Но время... Времени у меня катастрофически не хватало. Домой я возвращался настолько разбитый, что едва дотягивал до матраса, сбрасывая на ходу одежду и даже не думая о том, что на-

до бы мне помыться, перед тем как лечь спать.

Измотанный, я валился и спал как убитый.

За эту неделю Вова превратился в домохозяйку, на что я заметил:

– Оставайся тут. Зачем тебе эта квартира.

Естественно, я говорил это в шутку, а Вова, так же улыбаясь, стоял с кастрюлей еды и едва сдерживал смех:

– Ага, буду у тебя тут как гувернантка жить. Ладно, шутки в сторону. Давай пожрём, что ли.

– Оставайся, – затягивал я старую канитель, оглядывая прибранную комнату.

Вова вновь и вновь рассказывал мне о своих планах. Когда окончит университет, родители ему подарят квартиру и постараются пристроить куда-то. Но квартиру они будут дарить при одном условии – ему надо жениться.

– Что же у тебя на курсе девок нормальных нет? – спрашивал я, надеясь отбить мысль о Кате.

– Есть. Разные там девки. Но мне не нравятся городские. Они какие-то слишком заносчивые. Вот у моей семьи денег будет гораздо больше, чем у половины с моего курса, а они всё равно смотрят на меня, как на второй сорт. Типа, приехал с села. Жил, наверное, в каком-то сарае и даже не знает, как лифтом пользоваться. Турникетов боится. Короче, накрутили сами себе и ходят, задрав носы. Так бы и вмазал со всей дури по каждому такому носу.

– Да, есть у них такое, – подтвердил я.

Вова снова погружался в мечтания, а я с каждым разом понимал, что если не решусь, то проморгаю своё счастье. Ведь он настроен решительно. Да и Катя согласится, я думаю: всё лучше, чем увядать в селе, среди сорняка, как выразилась Вовина мать.

Через две недели Вова съехал. А я продолжал бегать с одной работы на другую. От колбасы к водке и сигаретам.

В день получки я достал дорогую моему сердцу металлическую коробку и закинул туда зарплату. Для успокоения души снова пересчитал деньги и вдруг понял, что не хватает пары купюр. Первая мысль была, что я где-то сбился. Пересчитал снова – не хватает. Следующая мысль проскочила, что это взял Вова, но я, словно испугавшись, прогнал её. Видимо, бухгалтера из меня не выйдет, если я с собственными финансами не могу разобраться. Вероятно, где-то просчитался.

Вероятно...

Спустя месяц, когда белое покрывало зимы застелило улицы, я взял билет до города, чтобы оттуда добраться до родного села.

Мой план был как нельзя прост. Вернуться с деньгами, приманить Катю и увезти её в город, пока это не сделал Вова. Я чувствовал тяжесть на душе, что предаю друга. словно ворую у него что-то... Что-то личное, как те пару купюр, вновь мелькнула мысль, которую я тут же выкинул из головы.

Я ехал в поезде в довольно смешанном настроении. Рад

был, оттого что еду домой. Еду забирать Катю. Еду увидеться с матерью и родными. Но в то же время, еду, как вор. Подло и тайно.

Но я не мог поступить иначе.

Крупные снежинки бились в окно. Поезд настукивал колесами. Я закрыл глаза, *а открыл их лишь тогда, когда комната выгнала меня в коридор этого странного дома.*

Комната четвертая

Я хотел передохнуть, прежде чем войти в следующую комнату, но вдруг понял, что ни капли не устал. Я не голоден. Чувствую себя превосходно. Ощущение, словно я, молодой и здоровый, только что пробежал несколько километров и вместо усталости ощущаю небывалый прилив сил. Хочу бежать снова. Долго и невероятно далеко.

На несколько секунд я замер перед открытой дверью. Впереди густая тьма, которая острым лезвием обрезает свет. Погружаясь в эту мягкую субстанцию, я испытывал привычное ощущение невесомости и уюта, приправленное лёгким чувством страха.

Снова беспросветный мрак. Крошечная тьма и запах чего-то приятного. Лёгкий аромат свежести. Словно я уткнулся носом в чистую простыню, только с мороза.

Открыв глаза, вижу перед собой кого-то ещё. И он с головой закутался в одеяло. Я чувствую, как левая сторона мерзнет, потому что мне не хватает одеяла. Пытаюсь стянуть на свою сторону, но этот кто-то начинает шевелиться, и я замираю. Словно боюсь его разбудить. Боюсь потревожить.

Спустя пять минут предпринимаю новую попытку и всё-таки забираю часть одеяла и укрываюсь целиком. Тепло растекается по телу.

В этом милом блаженстве я погружаюсь в сон, пытаюсь

выжать максимум из последнего часа, прежде чем прозвенит будильник.

Ровно через час едва уловимая мелодия будильника заставляет меня выбраться из-под тёплого одеяла, оставив там кого-то, прячущегося в ворохе постельного белья.

На цыпочках проскакиваю на кухню, где на стуле висит одежда. Холодная. Мерзкая. Быстро натягиваю штаны, футболку и кофту. Дрожу от озноба.

В холодильнике ждёт пара бутербродов. Делаю крепкий кофе и уплетаю всё это в течение пяти минут.

Умывшись и почистив зубы, возвращаюсь в комнату и закрываю окно, откуда веет холодом и до подоконника изредка долетают мелкие снежинки, которые тут же тают, превращаясь в капельки.

– Мы снова спали с открытой форточкой? – говорит кто-то.

И это оказывается Катя. Я узнаю её по голосу. Удивительно, но я не смог узнать её по запаху. Хотя должен был догадаться по одному лишь ощущению присутствия рядом. Почему моя память порционно возвращается ко мне в каждой новой комнате?

– Спи дорогая. Я вернусь ближе к вечеру.

– Тебе чего-нибудь приготовить?

Катя высовывает голову из-под одеяла. Но только голову. Даже шея и та плотно замотана.

– Сделай своё фирменное блюдо.

– Опять ты со своим борщом, – улыбается она, и на щеках появляются ямочки. – Я всю жизнь училась готовить. Знаю несколько кухонь, а тебе только борщ и подавай.

– Сделай тогда что-нибудь мексиканское.

– Например? – заспанная, но заинтересованная, она щепоткой взглядом смотрит на меня.

– Например борщ, – говорю я, подхожу и целую её в щёку. В ту самую ямочку.

Катя улыбается, её азиатские глаза сужаются, словно бы совсем исчезают с лица.

– Колючий, – чешет она лицо и прячется под одеяло.

– Окно закрыть?

– Нет. Я скоро буду вставать.

– До вечера.

Я опять целую её и выхожу из квартиры.

По крайней мере, я с Катей. И я больше не живу в общешитии. Значит, моя афёра в прошлой комнате удалась.

Кутаясь в пуховик, иду по тёмной улице. Протаптываю первые дорожки на девственном снегу. Мимо в морозном воздухе проезжают машины. Первые автобусы выбираются на маршруты. Редкие прохожие попадают по пути.

Я дохожу до ларька...

Неужели я до сих пор работаю в ларьке? – проскакивает шальная мысль. Видимо, так и есть.

Меня встречает молодой парнишка в огромной шапке.

– Ну что там? Есть чего сказать?

Заспанный, он трёт глаза и молча выпускает в тесное помещение.

– Толком-то и нечего. Народу было мало. Сам видишь, дубак на улице жестокий.

– Ты-то сам не окоченел?

– Есть немного, – говорит он, потирая руки. – Я тут это... – мнётся, – обогреватель включал. Но не на всю ночь. Только когда совсем мёрзнуть стал. Я экономил.

– Всё хорошо, – прерываю я оправдания. – Мог бы и на всю ночь зарядить. Лишь бы не заболел. Товар весь есть? Докупить чего-нибудь надо?

– Выручка, где обычно. А докупить? – зачем-то он чешет голову, не снимая шапки. – Можно немного шоколадок заказать, они всё равно не портятся. По пиву и водке вроде бы всего хватает. Что продавал, записывал. Там это... – снова начал он мяться, – Бугай в долг взял бутылку. Обещался на днях занести.

Я недовольно смотрю на парня, и он, видя мое недовольство, стыдливо отводит взгляд.

– Я же тебе говорил, что в долг давать не следует.

– Он отдаёт.

– Я знаю, что он отдаёт. Пойми, Макс, если ты поменяешься со мной местами, то поймешь, что деньги должны работать. Работать должна каждая копейка. Сегодня я продал на пару тысяч и сразу вложил их в оборот. Только так можно приумножить состояние. Только так, и никак иначе. А этот

Бугай, сегодня взял водку и не отдал деньги. Нет, рано или поздно он, конечно, вернёт их, но пока что они нигде. Товара нет. И денег нет. А ведь они могли работать. Могли... – заканчиваю я своё нравоучение.

– Я отдам за него, – так же пряча глаза, говорит Максим.

– Не надо так категорично. Просто в следующий раз в долг не давай. Я не могу повторять тебе это вечно.

– Ок, больше никому в долг не дам.

– Надеюсь.

Несколько минут Макс говорил о том, что случилось за ночь, и лишь после этого, уставший, заспанный, побрёл домой.

Я расселся на мягком стуле и принялся пересчитывать товар. Изредка отвлекаясь на покупателей, заполнил жёлтые от частого пользования тетради и, позвонив, сделал заказ на товар.

Закрыв ларёк и обмотавшись шарфом, так как днём мороз только усилился, помчался к ближайшей автобусной остановке.

– Беляш, сосиску в тесте и два пирожка с картошкой.

– Кофе? – спросила полная женщина в синем фартуке поверх пальто. А затем, словно окаменев, выдала: – Кирюшка! Как ты?

Это была тётя Люба. Она всё также ловко управлялась со своим тучным телом и умудрялась крутиться на маленьком пяточке, ничего не уронив.

– Здравсьте, – как-то застенчиво сказал я. – Давно тут работаете?

– О-о... второй день уж.

– И как?

– Привыкаю потихоньку. Я ведь раньше поваром работала, так что жарить, парить и варить для меня не ново. А ты сейчас где?

– Вон там, – я ткнул пальцем в направлении ларька и тут же спрятал руку в карман от жгучего мороза.

– Это где? – тётя Люба вывалилась за прилавок, и я испугался, что сейчас что-то треснет и она вместе со всеми пирожками и кастрюлей кипящего масла повалится на землю.

– Там ларёк есть. Соки, воды, водка да сигареты. Как у Николая.

– Так ты до сих пор у него? Даже после того?

– Нет. После того я к нему больше не вернулся. Это теперь мой ларёк.

– Твой? – тётя Люба вернулась за прилавок и упёрла руки в бока.

– Ну да... Даром что ли я батрачил на двух работах.

– Молодец. И как бизнес?

– Кручусь потихоньку.

– А я то тут, то там. С одной палатки до другой бегаю как угорелая. Пытаюсь денежек заработать, а всё как-то не выходит. А ты молодец. Я всегда знала, что у тебя получится. Всегда в тебя верила. Даже тогда, когда на Николая наехали

эти, как их, – тётя Люба наклонилась и шепнула: – Местные бандиты. И Николая срезал нам всем зарплату. Даже тогда я знала, что у тебя получится. Я, конечно, отбила своё, но всё же...

– Тётя Люба, – прервал я её. – Я на секунду выбежал. Мне обратно к торговле надо.

– Так ты, что, и торгуешь сам?

– Пока что да. Может, скоро кого и найму.

– Имей в виду, – сказала она и подмигнула.

– Обязательно.

– Давай я тебе свеженьких дам.

Она выбрала из горы выпечки пирожки и завернула в пакет, закинув туда пару салфеток.

– Чайку налить?

– У меня там свой чайник. Спасибо, тётя Люба, – сказал я и помчался обратно.

– Если нужны будут продавцы, помни, что у тебя есть я! – крикнула она вслед.

Каждый божий день я ходил в ларёк. Уходил рано утром, возвращался ближе к ночи. Приходил уставший. Ел, мылся и ложился спать.

Видимо, не такую жизнь ожидала увидеть Катя, когда я забирал её из села. Видимо, и я не такую ей обещал.

Но было то, что было. Один ларёк, худо-бедно приносящий доход. Один сменщик.

– А что, если ты заболеешь? – спросила как-то Катя. – Что,

если ты сляжешь на пару недель? Макс не сможет работать там сутками.

– Найму кого-нибудь ещё.

– А сейчас нельзя это сделать? Пойми меня правильно, Кирилл, но я тебя почти не вижу. Ты запрещаешь мне работать. Говоришь, что будешь сам обеспечивать семью, и, сказать по правде, у тебя это получается. Но зачем? Зачем мне такой муж, который уходит до рассвета, а возвращается к ночи? Зачем? – она отвернулась и зарылась в длинные чёрные волосы.

– Катя, ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Знаю. Но таким образом мы будем любить друг друга на расстоянии, и ничего не изменится.

– Пойми, что сейчас я не могу позволить себе второго человека. Точка только начала приносить стабильный доход. Поработаю полгодика, и дальше всё должно завертеться как нельзя лучше. Потерпи. Надо просто перетерпеть.

Я обнял её, и Катя уткнулась мне в грудь. С наслаждением вдыхая аромат волос, я крепко сжал хрупкое тело и поцеловал в макушку.

– Давай я пойду на работу, – предложила она и снова щепчыми глазками взглянула на меня.

– Тебе отведена другая роль, – улыбнулся я. – Мы же говорили с тобой на эту тему.

– Я помню, – ответила она и опустила взгляд. – Но пока я ещё не беременна. Могу ведь я куда-то устроиться.

– Тебе это надо? Многие женщины только и мечтают о том, чтобы муж обеспечивал их, а они спокойно занимались хозяйством и детьми.

– Потом да. Но сейчас я больше чувствую себя твоей наложницей. Живу в четырех стенах. Вижу тебя два раза в день. Готовлю и потихоньку деградирую. Мне жалко этого времени.

Я тяжело вздохнул, сел рядом с ней и сказал:

– Если тебе так хочется, то можешь пойти.

– Спасибо! – взвизгнула она как маленькая девочка, которую отпустили гулять до темноты.

– Пойдёшь к Макс в сменщики? – тут же предложил я.

– Дурак! – улыбнулась она и ткнула крохотным кулачком в плечо.

– На самом деле я сегодня встретил тётю Любу. Помнишь, я тебе рассказывал о ней. Мы вместе у Николая работали. – Катя кивнула. – Короче говоря, просилась ко мне на работу.

– И?

– Не знаю. Во-первых, сейчас мне надо подкопить, чтобы открыть вторую точку, а во-вторых, когда мы работали вместе, она часто продавала налево. Не думаю, что она изменилась за это время.

– Ты так говоришь, словно твой Макс не продаёт налево.

Я посмотрел на Катю так, словно она знала намного больше моего.

– То есть?

– Все продают налево. Каждый крутится, как может. Я, конечно, не утверждаю, но уверена процентов на девяносто, что Макс тоже чем-то торгует своим.

– Нет, он хороший парень.

– Этого я тоже не отрицаю. Он может быть отличным парнем, но при этом может и приторговывать. Все люди такие, от этого никуда не деться.

– Я не такой. Я ни разу ничего не продал лишнего у Николая.

– Ты у меня исключение, – Катя приблизилась и одарила меня коротким поцелуем. – Глупенькое, но исключение.

– Тогда уж не глупенькое, а честное исключение.

– Пусть будет честное.

Дни завертелись, как снежинки за окном, – одинаковые и быстрые. Катя не могла устроиться на работу, а я по-прежнему ходил в ларёк. Правда, стал более подозрительно смотреть на Макса. Как-то показалось, что я поймал его, но нет... Выкрутился парнишка. И как браво выкрутился. Даже я поверил, что там всё так и было. Действительно, смысленый.

Несколько раз натыкался на тётю Любу, и она не забывала напомнить о том, что, дескать, готова хоть сейчас снять фартук, бросить эти треклятые пирожки и пойти торговать в ларёк. Но я отказывал. Точнее, не брал из-за ненужности.

Привычная железная коробка перекочевала со мной и теперь. Я аккуратно складывал в нее деньги и не забывал хотя бы раз в два-три дня пересчитывать. Не потому что не до-

верял Кате. Просто мне нравилось их считать. Чувствовать плотную бумагу банкнот и представлять, что совсем скоро я потрачу их. Приобрету ещё один ларёк, найму персонал и буду дальше развиваться. Для меня это стало традицией. Я держал деньги, а сам, уносился далеко в будущее. Даже не считал их, а машинально перебирал пальцами купюры, шевелил губами и мечтал.

Через три дня Катя встретила меня шикарным ужином. Она всегда хорошо готовила, но тут превзошла все ожидания. Это были блюда, которые привели меня в восторг. На столе стоял борщ – красный, горячий и густой, как каша. В соседней кастрюле – домашние пельмени, а рядом, под бумажным полотенцем, покоились пирожки с зеленью. Я с наслаждением и некоторой долей удивления посмотрел на стол.

– Садись, покушай, – и Катя выдвинула стул, как в лучших ресторанах.

– Ты решила меня раскормить? Или что-то случилось?

– Сразу что-то случилось. Я, что, не могу накормить любимого мужчину.

– Можешь. Конечно, можешь. Просто это странно выглядит. То от тебя борща не допросишься, то ты вываливаешь всё самое любимое в один вечер. Я же теперь с кухни не выйду, а выползу. Или, точнее, выкачусь как колобок.

– Садись, а то остынет.

Я присел, и Катя тут же поставила передо мной тарелку

с борщом, банку сметаны и чёрный, душистый хлеб. Я приступил к еде, а Катя, подперев голову тонкими руками, смотрела на меня.

После того как тарелка борща, горка пельменей и пара пирожков исчезли, она сказала:

– Ты прав. Что-то всё-таки случилось.

Я вздрогнул.

– Но ты не переживай. Случилось хорошее. Я себе работу нашла.

– Гмм... – с набитым ртом промычал я.

– Что?

– Я говорю, молодец. И где?

– А тут кроме этого городка есть ещё варианты? Здесь же. В Южном. Теперь я администратор в салоне красоты.

– Это секретарь что ли? – как-то слишком грубо и насмешливо спросил я. И тут же осекся, поняв промашку, но было поздно. Катя подметила мой тон.

– Ой, а то, что ты в ларьке торгуешь, это значит нормально!

– Ну, извини. Вырвалось как-то. Ты молодец. Все с чего-то начинают. Я тоже когда-то ночью фуры разгружал и попутно у Николая торговал. А теперь какой-никакой, а бизнесмен. Хотя иногда думаю, к черту этот бизнес. Тебя не вижу, дома не бываю, работаю днями и ночами, а кому это надо. Чёрт его знает.

– Думаю, полгода нам должно хватить, чтобы ты смог

нанять ещё одного человека и хотя бы чуть-чуть больше времени уделять мне.

– Я бы тебе уделял всё свое время, – сказал я, и глубокая, гортанная отрыжка случайно вырвалась наружу.

– Видимо, тебе очень вкусно, – засмеялась Катя.

Тем же вечером она приставала ко мне, когда мы только легли в постель, но я был непреклонен.

– Я бы с радостью. Я бы с огромной радостью, но мне даже дышать тяжело.

– Ну!

– Сама виновата.

– Ладно, спи. – Катя поцеловала меня и отвернулась.

Надеюсь, хоть не обиделась.

А ровно через неделю случилось несчастье. Оно подкралось незаметно. В общем-то, как и всегда.

Я был в своем тесном ларьке, когда мне позвонила Катя и сказала, что нас ограбили.

– Как ограбили? – переспросил я, надеясь услышать другой ответ.

– Я... я не знаю, как? – она заливалась слезами, и сложно было что-то понять. – Через дверь, наверное. Или через окно. Я не знаю. Тут всё вверх дном. Приезжай.

– Я не могу бросить торговлю, – снова ляпнул я какую-то чушь. Ну как же мне не бросить этот проклятый ларёк, когда мою, точнее, съёмную квартиру ограбили?

Я позвонил Максиму, но не дозвонился. Не брал он трубку.

Или же не хотел брать.

Закрыв ларёк, я помчался домой.

Входная дверь нараспашку. Выпиленный болгаркой замок валяется рядом. В квартире полнейший бардак. Вещи на полу вперемежку с вывернутыми ящиками. Даже бельё, и то сорвано с кровати и брошено рядом.

– Ты как? – спросил я Катю. Её трясло. Она обливалась слезами и никак не могла успокоиться.

Катя прижалась к моей груди. Я обнял хрупкое тело, и её дрожь, невольно передалась и мне.

– Мы... мы... – она пыталась что-то сказать, но поток слез обрывал предложение на первом слове.

– Всё будет хорошо. Главное, что ты цела. Остальное – наживное. Ну что здесь такого? – говорил я насмешливым тоном. – Сорвали постель, перевернули ящики. Подумаешь. Делов-то... Один вечер уборки, и всё встанет на свои места. Даже и не заметишь, что что-то случилось. Ничего ведь страшного. Ведь ничего?

Она подняла на меня мокрые глаза и глубоко кивнула.

– Ни... ни-ничего.

– Ну вот. Всё хорошо.

– М-м-мои серёжки. Они забрали серёжки, которые ты мне подарил.

– Подарю ещё. У нас ведь есть деньги... – спокойно ответил я и вздрогнул. Да так сильно вздрогнул, что и Катя это заметила.

– Ч-что случилось?

– Я сейчас.

Меня начало лихорадить. Так же или даже хуже, чем Катю. Мысли бегали в пустой голове. Руки дрожали. Катя что-то говорила, но я не слышал.

Подойдя к вывернутому наизнанку шкафу, я молился лишь о том, чтобы металлическая коробка была на месте. Вряд ли её нашли. Ведь она хранится на самом дне. Под простынями, под пакетами с обувью. Под старым хламом давно забытых вещей. Они не могли. Не могли. Не могли...

Аккуратно, как сапер на минном поле, я схватился за край постельного белья и потянул на себя. Из-под простыни показался край коробки. Я замер, боясь, что, потянув простыню ещё чуть-чуть, я увижу, что она пуста, что мои труды последних двух лет пропали вместе с этими гадами, вломившимися к нам. Но надо было решаться.

Я дернул ткань и увидел то, чего больше всего опасался, – коробка была без крышки. Она блестела гладким металлом и пугала пустотой.

Не говоря ни слова, я сел на пол, обхватил голову руками и закричал что есть силы. Легче от этого не стало. Скорее даже хуже. Я ни о чём не думал. Голова была абсолютная пуста, как та самая коробка на дне шкафа. Вместо мыслей я был полон эмоциями. Обида, досада, злость, отчаяние, снова злость.

– Ч-что случилось? – решила наконец спросить Катя.

– Лучше уйди. Дай я побуду один.

– Кирилл! Кирилл! Скажи мне, что случилось.

– Уйди! – крикнул я, и Катя вновь заплакала.

Закрыв лицо руками, она выбежала из комнаты, а я остался сидеть посреди бардака, пытаюсь хоть что-то понять в этой неразберихе – и в квартире, и в голове.

Мысли метались, но ни одна не уходила далеко от металлической коробки. Я вдруг понял, что вся моя жизнь, весь её смысл содержался в этой проклятой банке. И что мне теперь делать? И кто в этом виноват?

Вернулась Катя.

Она стояла надо мной со стаканом воды и шептала:

– Я вызвала милицию. Тебе надо позвонить хозяину и рассказать, что случилось. Наверное, прибираться пока что нельзя, потому что следователи должны снять отпечатки пальцев и подошв. Давай лучше выйдем отсюда, чтобы не мешать и не топтаться по следам.

– Катя... – сказал я, немного успокоившись, – ты понимаешь, что нам дверь спилили болгаркой. И скорее всего, пилили не одну и даже не две минуты. И ни одна падла не вышла посмотреть, что же там творится. Ты понимаешь, в каком паршивом месте мы живем. Понимаешь?

– Понимаю, понимаю, – шептала она и гладила мои короткие волосы. – Всё понимаю, но нам лучше уйти отсюда.

– А ты понимаешь, чего они нас лишили? Они украли у нас будущее. В этой коробке, в этой проклятой коробке, –

я дотянулся и пнул её ногой, – в ней хранились все наши сбережения. Там было очень и очень много денег. Там было всё. Всё! Ты понимаешь, всё!

– Понимаю.

– Ни хрена ты не понимаешь! – вскочил я на ноги. – Если бы ты... если бы ты не пошла на свою долбаную работу в свой долбаный салон красоты, они бы не ограбили нас. Видимо, они пасли меня. Да, однозначно пасли. И дождались пока ты не уйдешь, чтобы спокойно зайти и взять то, что было моим. Моим! – я больно ткнул себя в грудь, не замечая, что Катя выронила стакан воды, и снова в её темных глазах начали скапливаться слезы.

– Я не виновата...

– А кто виноват. Я?! Я виноват, что горбатился каждый день, лишь бы ты горя не знала. Из-за тебя у нас сейчас нет ни копейки. Из-за тебя мы нищие. У меня в кармане пара рублей, и это всё. Всё! – я вывернул карманы и обронил несколько купюр. – У нас больше ничего нет. А мне товар заказывать. Максимум зарплату платить. За квартиру платить. Нам пожрать что-нибудь надо. Если бы не ты... – я хотел говорить бесконечно много, обвиняя мир, людей, плачущую Катю. Хотел сказать, но слова застряли в пересохшем горле. Я только прикусил губу и смотрел на Катю с такой злостью, как не смотрел ни на кого и никогда. Никогда!

У Кати текли слезы, но выражение лица не изменилось. Она была спокойна.

– Зря я тебя выбрала, – обронила она и вышла.

– Остановись! Стой, кому сказал.

Она не слушала. Ушла на кухню и замерла перед окном.

– Повтори, что ты сказала. Повтори!

– Зря я тебя выбрала. Надо было с Вовкой идти, когда он меня звал. Надо было его дожидаться.

– Закрой свой рот.

– А то что? Ударишь меня?

Возможно, я бы и ударил, если бы из коридора не послышался шум.

– Мда... Хорошо поработали, – раздался голос милиционера, а через секунду появился и сам служитель правопорядка.

Катя повернулась, поздоровалась и вышла на лестничную площадку, не одарив меня взглядом.

Дальше всё завертелось, как на аттракционе в детском парке.

Менты топтались по квартире. Спрашивали, записывали, стучались к этим падлам-соседям. Меня двадцать раз спросили, что пропало. И я в двадцатый раз начал перечислять вещи, технику (оказывается и технику вынесли, а я не сразу и заметил), золотые украшения и, конечно же, деньги. Много денег. Все деньги.

Через час приехал хозяин квартиры, с которым я чуть не подрался. Благо милиция ещё была в квартире. Они нас и разняли. Тот орал на меня и меня же во всём винил. Тре-

бывал возместить ущерб за дверь, за сломанную мебель.

Я немного успокоился и только спустя несколько часов понял, что идти-то нам некуда. Я-то ладно, могу и в ларьке перекантоваться, а Катя? Ей куда? В квартире не останешься. В гостиницу не пойдешь. Да и нет, наверное, в этом паршивом городишке гостиницы.

Ничего лучше, кроме как позвонить Стёпе, я не надумал. У него, конечно, тоже не дворец с пятью комнатами, но он приютил Катю, которая до сих пор со мной не разговаривала.

– Поживешь пока у него, а дальше я что-нибудь придумаю.

Промолчала.

– Спасибо тебе, что не бросил. Я только встану на ноги, рассчитаюсь, — Стёпа жестом показал, что не нуждается в деньгах и не требует ничего взамен. — У меня ещё одна просьба есть. Можно я свои вещи к тебе в гараж скину.

– Без проблем.

– Спасибо. Большое человеческое спасибо, — я обнял этого огромного человека, почувствовав его колючую бороду шей. — Пока, — бросил я коротко Кате.

Молчит.

Оказывается, у нас не так много вещей. За несколько ходок мы со Стёпой перенесли всё в гараж.

– А сам куда?

– Пойду торговать. Я к тебе периодически буду приходить, чтоб хоть помыться.

– Давай к нам. Мы потеснимся в одной комнате. Я жену с детьми к теще отправлю.

– Я и без этого многого прошу.

– Всё нормально.

– Нет, я так не могу.

Я ушёл в свой ларёк. Не проходило и минуты, чтобы я не возвращался к разговору с Катей.

Зря я на нее накричал, обвинил во всех наших бедах. Сам виноват. Надо было надёжнее деньги прятать. Да хоть в банк сдать, и то было бы неплохо. И чего я раньше об этом не подумал?

А если бы она не устроилась на работу, тогда что? Тогда, возможно, было бы хуже. Вломились бы в квартиру, увидели её, и... Я отогнал от себя пугающую мысль и встряхнул головой. Провёл вспотевшей ладонью по ёжику волос и уставился в бушующую метель за маленьким окошком.

Стёпа доверил мне ключ от гаража, где я и ночевал. Было жутко холодно. Укрывался всем, что попадалось под руку: подкладывал под себя гору тряпок, ложился и наваливал на себя ещё тряпок. В этом ворохе и спал. Стёпе говорил, что ночью у друга. Это же была и версия для Кати, когда приходил помыться и привести себя в порядок.

Понемногу начали разговаривать. Я простил её. Но простил только в душе. Ей я так и не признался. Со временем накал отношений спал. Катя с жалостью смотрела на меня, когда я обросший, грязный и, скорее всего, вонючий (сам я

вони не чувствовал) приходил помыться.

– Как ты там? – спрашивала Катя.

– Я нормально. Где наш брат ни выживал, – говорил я шутя. – Ты здесь как? Не притесняют?

– Что ты! Относятся как королевской особе. Мне даже неловко от такого отношения. Будто это не я у них живу на птичьих правах.

– Степа он такой. Ладно, пойду я.

И уходил. Прятался в тесном ларьке и думал. Думал о разном. Мысли разрывали голову. Все мои планы пришлось корректировать. Точнее сказать, все мои планы пришлось выбросить на помойку и строить новые. Спасибо поставщикам – не оставили в беде. Отложили платежи по счетам. И Максу спасибо. Не стал требовать зарплаты и не уволился. Сказал, что потерпит. Всё-таки хороший парнишка.

Спустя три дня, когда я менял Макса, заметил на своем ларьке листовку. И на ней красовалась пухленькая мордочка Вовы. С чёрными густыми бровями, с отвисшим, как у борова, подбородком. Волосы, правда, немного поредели, и, если бы фотограф заснял немного другим ракурсом, была бы видна плешь, которая скоро превратится в полноценную лысину. Вова смотрелся на листовке довольно прилично. В пиджаке, при галстукe. Устремил задумчивый взгляд вдаль. Внизу, большими буквами подпись: «Хворин Владимир Юрьевич. Голосуйте за правду».

– В депутаты наметился, – сказал я и с наслаждением со-

рвал листовку.

Крепко приклеили, гады. С усердием сумасшедшего я ногтями содрал остатки клея и для верности взял горсть снега и потёр по тому месту, где только что красовался Вова.

А спустя два дня ко мне заглянул и сам Вова. Он высыпал на блюде мелочь и, если бы смог, засунул свою голову в маленькое решётчатое окно:

– Презервативы мне, – прошептал он, словно стеснялся.

Я молча отсчитал сдачу, взял пачку презервативов и положил на блюде.

– Кирюха, ты что ли? – он прильнул к окошку, как заключённый.

Как он меня узнал, паразит? Я не хотел с ним разговаривать и встречаться. Поэтому всё делал молча. Но он как-то узнал. Дальше скрываться было бессмысленно.

– Здорово, Вован.

– Здорово, – он убрал голову и протянул в окно руку.

Я пожал нежную пухлую ручку.

– Ну как ты? – снова его морда возникла в окне и загорила свет.

– Как видишь, – развёл я руками.

– Как жена? Детей ещё нет?

– Позже будут. Поработать немного надо. Ты как? – спросил я больше ради вежливости, нежели интереса.

– Нормально. Даже хорошо! – воскликнул он. – Может, слышал, я тут в депутаты подался. Скоро большим челове-

ком буду.

– Да ты и так человек не маленький, как я погляжу.

Вова прыснул смехом.

– Выходи, постоим, вспомним молодость. А то общаемся с тобой, как заключённые.

Вова отпрянул от окна. Я вышел на мороз, и мы вновь пожали руки.

– Как там семейная жизнь? Всё хорошо?

– Да. Живём потихоньку. А ты на свидание собрался? – спросил я, чтобы отвести разговор о Кате.

– С чего ты взял? Ах, ты об этом, – показал он пачку презервативов. – Это для служебного пользования.

– Чего? – искренне удивился я и даже улыбнулся.

– Только никому. Я тут секретаршу себе нанимать собрался. А как ещё проверить женщину, кроме как не напрямую.

– А профессиональные качества ты не учиываешь?

– Любим качествам можно научиться, а вот желание работать и учиться должно сразу присутствовать в человеке. Только видя на что готова женщина ради этой работы, можно оценить и то, насколько она в ней заинтересована и с какой отдачей будет работать. Ну, ты понимаешь, о чём я.

– Понимаю.

Забавно, но во время разговора, моя неприязнь к Воле улетучилась. Мне стало вновь интересно и не так неловко с ним общаться.

Мы вспомнили детство. Общих друзей и знакомых. Все

куда-то разъехались. Кто-то уже отправился на тот свет. Кто-то ещё влачит жалкое существование на этом. Каждый крутится как может.

Вова рассказал о своих планах. Если выберут в депутаты, в чём он ни капли не сомневается, то он пойдет дальше по карьерной лестнице, надеясь в ближайшем будущем стать мэром этого паршивого городка. Я тем временем рассказал о планах своих, ловко маневрируя, чтобы не упоминать о Кате.

– Выкручусь из этой ситуации, и, глядишь, в скором времени, буду ларёчный магнат.

– Так это твой ларёк?

– Ага.

– Красавчик! – Вова похлопал по плечу. – Вот, когда меня изберут мэром, тогда заживём. Будет у тебя своя личная крыша в госаппарате. Вместе задавим всех конкурентов. Дай только развернуться, а дальше всё как по накатанной. А как там Катя? – задал он резкий и прямой вопрос.

Пришлось ответить.

– С Катей всё хорошо. Ты-то когда жениться думаешь? – снова я попытался увести разговор, но Вова вернул его в прежнее русло.

– Как карта ляжет. Кате привет передавай. Вы ведь снимаете тут жильё?

Я кивнул.

– А я уже приобрёл себе двушку. В центре, на Ленина.

Может, видел, там район новый построили вместо хрущёвок.

– Бывал там пару раз.

– Надо бы нам как-то встретиться. Посидеть, попить пива.

Нам есть о чём поговорить. Вы сейчас где живете?

Я ответила не сразу:

– Жили на Октябрьской, а сейчас у знакомых на Шилова живём. Нас недавно ограбили, так что сейчас скитаемся, как беженцы.

– Прямо ограбили?

– Прямее некуда. Вынесли всё подчистую. Оставили только кровать, мебель и вещи.

– Мда... А чего ты мне не набрал? У меня сейчас завязываются неплохие связи, так что я мог бы вам помочь. Квартиру бы не предоставил, но какую-то комнату найти можно. Как-никак, а всё-таки отдельно от чужих людей.

– А сейчас что?

– А что сейчас?

– Сейчас найти сможешь?

Теперь Вова ответил не сразу. Замялся, отвёл взгляд, спрятал покупку в карман.

– Я постараюсь. Если что, я тебе наберу. Ты номер не менял? Нет? просто сейчас не лучшее время. Выборы на носу, а это знаешь, сколько работы. Я, честно говоря, и сам не представлял, что это отнимает так много сил и времени. Со стороны кажется: да чего там. Жди, пока выберут, и всё. А на деле надо поехать с избирателями встретиться, посе-

тить школу, собрание пенсионеров, детский сад. Короче, дел невпроворот. Но я буду иметь в виду и при случае обязательно наберу. Передавай привет Катьке. Рад был повидаться. Как в детство вернулся. Бывай.

Мы пожали руки и попрощались.

Но этот день припас для меня ещё сюрпризы. Когда я приехал к Стёпе, Катя отвела меня на кухню и ошарашила тремя словами:

– Кирилл, я беременна.

Комната пятая

В этот раз, когда комната вышвырнула меня в пустынный коридор, я не сразу открыл следующую дверь. Слишком много навалилось. Чувствовал дрожь, хотя не испытывал холода. Испытывал тревогу. Тревогу за самого себя: что же будет дальше? Отчего у меня такие разные друзья. Тот, с кем с самого детства, оставляет постоянно в дураках, а тот, с кем познакомился уже взрослым, – помогает.

И Катя... Эти её слова: «Зря я тебя выбрала». Возможно, тот Я, что живёт в комнатах, и забыл их. Возможно, у того Я больше времени и проблем, чтобы несколько слов стёрлись из памяти. Но я-то их помню. Помню отчётливо, с каким выражением Катя произносила их. И помню свои чувства – тревоги и злости. Ярость кипела во мне до такой степени, что я готов был ударить её. Катю. Ту, которую люблю, ради которой предал Вову. Пусть он и не очень хороший человек, но с моей стороны это было предательством.

А теперь... После того как нас ограбили. отняли все деньги и сбережения, выгнали из квартиры, что мне делать теперь? Точнее, что делать теперь Ему, тому мне.

Что ж... Самое время посмотреть.

Я открыл очередную дверь и привычно влился в тёмное пространство. В этот раз я не испытывал ни страха, ни тепла, ни холода. Единственное чувство, которое бурлило

во мне, было любопытство. Какие ещё удары судьбы предстоит мне выдержать, прежде чем откроется последняя дверь?

Находясь в этой чёрной невесомости, я ощутил некую дрожь. Причем дрожал не я. Дрожало пространство. Вся эта материя ходила мелкой дробью, вскоре это передалось и мне. Словно я – поплавок на ровной глади пруда, куда зашвырнули камень.

Вместе с дрожью появился звук. Странный гул. Вроде бы тонкий, как писк комара над ухом, а чувствуется всем телом. Он нарастал, пока не дошёл до боли. В отчаянии я закрыл уши руками, но он проникал сквозь них, доставая до самого мозга.

Что есть силы я зажмурил глаза, и гул прекратился. С опаской я раскрыл глаза, увидев перед собой тёмную комнату.

– Вставай, теперь твоя очередь, – сказала Катя.

– Я ведь только вставал, – полусонно прохрипел я.

– Твоё «только» было два часа назад.

Я вновь закрыл глаза и провалился в сон. Но поспать не удалось. Этот противный звук вновь разбудил.

– Кирилл, – сказала Катя и ткнула в бок.

– Да-да... – ответил я и сел.

А в это время в углу, из детской кровати, по всей комнате разносился противный звук.

– Ну, ты чего не спишь? – прошептал я и начал качать

кроватьку. – Тши-и... тш... – шипел я как змея, раскачивая кровать из стороны в сторону.

– Что там?

– Откуда я знаю, что у него. Орёт и орёт. Максимка, ну ты чего?..

Я сильнее начал качать, но, видимо, моему сыну это не нравилось. Раскрыв беззубый рот, он продолжал кричать. Да так, словно его резали.

Спустя пятнадцать минут (или больше, я плохо ориентировался во времени, так как, сидя рядом с сыном, не единожды проваливался в сон), Максимка всё так же кричал.

– Катя! – беспомощно позвал я жену. – Иди, сделай с ним что-нибудь.

– Что, например?

– Откуда я знаю. Ты же мать. Должна чувствовать своего ребенка.

– А ты?

– А я отец. Тоже должен чувствовать, но не так сильно, – улыбнулся я своей остроте.

Катя недовольно встала и присела рядом со мной. Она раздобрела за это время. Или же бесформенная ночнушка ей не к лицу.

Как только Катя прикоснулась к кровати, я мигом отошёл и нырнул под одеяло.

– Кирилл! – недовольно прошептала она, когда заметила моё отсутствие.

– Кирилл спит. Кириллу завтра на работу, – и я действительно уснул без задних ног.

Утром, когда все ещё спали (что было удивительно), я прокрался на кухню и заварил крепкого чаю. Чёрного, как то пространство в комнатах.

Пока завтракал, перебирал бумаги, смотрел ежедневник, который наполнился записями и пух от прикрепленных листочков. Номера, встречи, поставщики, планы – всё было в этом ежедневнике.

Сегодня надо наведаться в ларёк, проверить, что там с холодильником, и договориться с Алексеем.

Улица встретила мелким морозящим дождиком. Люди кутались в куртки, прятались под зонтики и, как акробаты, переходили по бордюрам широкие как озера лужи.

В ларьке я спросил у Макса (того самого парнишки), как прошла смена. Он довольно улыбнулся: с наступлением осени посетителей порядком прибавилось. Отчитался за проданный товар. А я вновь отругал его за то, что он даёт в долг некоторым ненадёжным личностям. Случайно нашёл долговую тетрадь, когда полез под холодильник. Макс стойко выслушал упреки, но в этот раз не сказал, что делать так больше не будет.

– Ты, наверное, заметил, что эта точка стала приносить больше денег. Заметил?

Он кивнул.

– На днях я собираюсь покупать ещё один ларёк на Риж-

ке. Не пройдет и года, как у меня будет уже не две, а три или даже пять точек. Мне нужен будет верный человек. Честно говоря, я думал поставить тебя. Но ты косячишь раз за разом. Сколько можно говорить, что товар в долг – это глупая и самая плохая инвестиция. Помнишь, почему?

– Нет ни товара, ни денег, – глядя в пол, ответил Макс.

– Правильно. А ты всё равно за старое. Ты меня извини, конечно, но ещё раз узнаю, что ты даёшь в долг, буду штрафовать. Я уже давно грожусь, но обещаю, сам себе обещаю, что это в последний раз. Ты меня понял?

– Понял.

– Молодец. А где твоя сменщица?

– Сказала, что немного задержится.

Пока я считал товар и делал заказ, подошла тётя Люба.

Странно, я ведь не хотел брать её на работу. Неужели память настолько короткая? Видимо, со временем выветриваются любые обиды.

– Здравствуй, Кирилл.

Макс передал смену и, уставший, побрёл домой.

– Нам бы стул заменить, – попросила тётя Люба и стянула потрёпанное одеяло с него.

– Сделаем. Только напомните, а то могу забыть.

– Напомню. Обязательно напомню.

А вот тётя Люба нисколечко не изменилась. Такая же крупная, с широкими руками и распухшими как бревна ногами.

Она без конца тараторила, напоминая о том, что надо заменить стул, в левом углу подтекает крыша, полка прохудилась, а замок на решётке заедает. Возможно, она бы ещё долго говорила, если бы я не остановил её.

– Возьмите листок и запишите всё, что считаете нужным. Завтра или послезавтра забегу и заберу. А пока не грузите, у меня сегодня важная встреча.

– Деловой-то какой, – с ухмылкой сказала она и села на ветхий стульчик, который жалобно скрипнул под грузным телом. – А помнишь, мы когда-то у Николая вместе работали?

– Помню, тётя Люба, помню. Пожалуйста, не отвлекайте меня.

– Всё, молчу. Молчу.

Она действительно замолчала, а я продолжил перебирать глазами товар.

Ближе к обеду вернулся домой с пакетом продуктов, список которых Катя около пяти минут диктовала по телефону. С этими мобильными телефонами теперь совсем покоя нет. То ли дело раньше. Ушёл на работу и работаешь себе спокойно. А сейчас... Нигде не скрыться.

– Ну как он? – спросил у Кати, когда вернулся домой.

– Живот болит, наверное. Или зубки режутся, я не знаю. Только уснул.

Нет, всё-таки она раздобрела после родов. Всегда стройная и юная, теперь стала похожа на настоящую женщину. Весь её девичий шарм остался в прошлой комнате. И хотя

в уставших от бессонных ночей глазах пробивается девичий взгляд, передо мной стоит зрелая женщина. Такая же красивая. С ровными чёрными волосами, стекающими на плечи. С умильными ямочками на щеках и хитрым лисьим взглядом.

– У тебя там как дела?

Я коротко рассказал о выговоре Максиму и бесконечных просьбах тёти Любы.

– Ближе к вечеру поеду на встречу. Быть может, я вернусь уже не как жалкий владелец одного захудалого ларька. Возможно, сегодня у меня будет ларёчный концерт. Целых два, – я поводил двумя пальцами перед Катей, которая не оценила шутки. Она устало отвела мою руку.

– Надо бы нам уже и о жильё подумать. Нельзя же так вечно снимать.

– Я думал. Больше того. Я начал откладывать. Не буду ничего обещать, но всё под контролем.

– Я надеюсь.

– Иди поспи, я покараулю.

Катя посмотрела на меня как на спасителя и молча ушла на кухню. Я слышал, как она повалилась на крохотный диванчик и накрылась пледом.

Я остался сидеть возле кровати, наблюдая за маленьким Максом.

Ребёнок спал крепко, изредка подергивая бровью и морща носик. Видимо, ему снилось что-то прекрасное. Ведь не мо-

жет маленькому, который не видел ничего плохого в жизни, присниться что-нибудь ужасное.

– Максимка, – прошептал я и погладил малыша. Гладил аккуратно. Боялся, что разбужу, но всё равно гладил. – Ты у меня самый красивый. Самый прекрасный. Жаль бабушка тебя так и не увидела.

Максимка спал. Вдруг он резко дёрнулся. Я замер. Неужели разбудил? Сейчас орать будет во всё горло. Нет. Спит.

На цыпочках я отошёл от кровати и полез в шкаф. Аккуратно открыв дверку, чтобы не было ни скрипа, ни шума, поднял вещи и достал металлическую коробку. Ту самую, из-под печенья, где когда-то хранил деньги.

Неужели я так ничему и не научился? Видимо, нет...

В коробке по-прежнему хранились сбережения. Увесистая пачка банкнот, перетянутая тонко резинкой. Я взвесил её в руке, отсчитал чуть меньше половины и вернул на место.

Ближе к вечеру, когда проснулся Макс, а вместе с ним и Катя, я уехал по делам. Меня ждала встреча с неким Алексеем.

Встретились мы с ним в ресторане «Шабли» – лучшем в нашем городишке.

Алексей был при параде. Он ждал за столиком, потягивая красное вино из бокала вприкуску с твердыми сортами сыра.

Мы поздоровались.

Чтобы не казаться полной деревенщиной и жадиной, я тоже сделал заказ, правда, остановился на пиве и луковых

кольцах.

– Не скинешь? – сходу начал я.

– Смотря сколько.

– Да хоть сколько. У меня сейчас каждая копейка на счету. Кстати, если точка прибыльная, почему продаёшь? – меня действительно волновал этот вопрос. Я ходил на разведку и самолично видел, как к ларьку бесконечно стекается народ. Точка находится возле автовокзала, и это огромный плюс. За такое шикарное место можно было бы запросить и больше. Намного больше.

– Я решил завязать с этим бизнесом. На всё не хватает времени, – в сторону ответил Алексей и поправил упавшую на лицо челку. – У меня сейчас другим голова занята, а ларьки отнимают слишком много времени.

– Если не секрет, куда пойдёшь?

– Машины. Тачки – сейчас самый ходовой товар. Гоняй их из Литвы, растаможивай и продавай.

– Так просто?

– Не совсем, – он хитро улыбнулся. – Если бы было так просто, сейчас бы все гоняли тачки. С растаможкой проблемы. Точнее, проблемы только у тех, у кого нет связей. А у меня есть. Можно сказать, поэтому я с лёгкостью и выкладываю перед тобой идею своего бизнеса.

– Буду иметь в виду. Понадобится хорошая тачка, обращусь.

– Без проблем. Раз есть лазейка, надо ею пользоваться.

Пока в бокалах оставались напитки, мы разговаривали на отвлечённые темы, словно боялись притронуться к тому, зачем встретились. Говорили о политике, о том, что надо бы нашему президенту-алкашу взять управление в свои руки.

– Куда ему, – хмыкнул Алексей. – Он чудом дорвался до власти и чудом там удерживается. Вознесла его перестройка на верха, а он и знать не знает, что дальше делать. Нужна новая кровь в верхушке.

– Хватит уже крови. Ни дня без новостей не живем. То пристрелят кого, то утопят. То завод отождмут. Ещё и война эта. Хватит крови.

– Мда... Предпринимательство в России сделали, а о защите никто и не помышляет. Разгул бандитизма. Ладно, не будем о плохом. Скину пару сотен баксов при условии, что платишь разово и не растягиваешь.

– Идет, – тут же согласился я. – Завтра переоформляем, и я вношу все деньги. Так?

– Согласен.

Мы пожали руки и выпили за сделку.

Домой я возвращался в хорошем настроении. Чувствовалась некая тревога, но она нисколько не омрачала этот чудный дождливый вечер.

Я совершаю что-то новое для себя. Делаю большую покупку. А в такие моменты всегда присутствует тревога. Так что это нормально. Это по стандарту, успокаивал я себя.

Вечером, когда Максимка наконец-то уснул, я рассказал

Кате о сделке.

– Отпразднуем? – предложила она и тут же полезла в шкаф за бутылкой.

– Давай завтра. Будет у меня на руках договор, тогда можно и праздновать. А пока что не стоит.

– Как скажешь. Мне всё равно пить нельзя.

– Брось ты эту бутылку. Иди лучше ко мне.

Катя села на колени. Я вдохнул знакомый аромат её тела. Посмотрел в карие глаза, поцеловал ямочки на щеках и почувствовал себя вполне счастливым человеком.

Утром, как мы и договорились с Алексеем, я поехал на встречу. Бюрократическая машина продержала нас в своих жерновах почти до самого вечера. И только тогда, по возвращении домой, мы с Катей открыли бутылку вина. Катя не пила, только я. Пил с большим удовольствием и вспоминал знакомое ощущение чего-то великого. Словно я сегодня купил не обычный ларёк весьма потрепанного вида, а сделал великое открытие или купил огромную компанию с мировым именем. Или прыгнул с тарзанки, что тоже было сравнимо на тот момент времени.

– Концерн, – заплетающимся языком сказал я и показал Кате два пальца.

– Тихо ты! – шикнула она. – Сейчас Максимка проснётся и будет тебе концерн. И концерн, и концерт.

– Эх, заживем, – я чувствовал, как вино внесло нотку магии в этот обычный серый мир. И как я умудрялся по моло-

дости столько водки лакать, да ещё и на ногах стоять. – Купим с тобой квартирку где-нибудь на окраине. Не хочу в центре. В центре тесно. Лучше где-нибудь сбоку. Чтоб и природа была рядом, и город под боком. А после, может, и домик приобретём. Как тебе, а?

– Отлично, – согласилась Катя и, улыбаясь, взглянула в мои пьяные глаза.

– Теперь не жалеешь?

– О чём?

– Что выбрала меня, а не Вову.

Все-таки я помнил об этом разговоре.

– Дурак, – сказала она и встала.

– Что такого? Я просто спросил.

– Давай допивай и спать. Тебе завтра ещё точку открывать надо.

Она ушла.

И зачем я ляпнул про Вову? Возможно, она и сама уже не помнила ни того разговора, ни самого Вову. Испортил такой шикарный вечер. Наверное, меня самого больше мучило это чувство превосходства над Вовой. И, чего греха таить, чувство мести. Хоть я и выкрал у него Катю, но и он тоже далеко не святой человек. Много подлости совершил в моей жизни.

Катя на кухню не вернулась.

Я допил остатки вина и на радостях даже закурил, за что и получил на следующее утро от супруги. Думал, что поку-

рил незаметно, помню, как прятал бычок в мусорное ведро, а оказалось, что трамбовал окурок в пакет с вещами.

– Хорошо я вчера отпраздновал, – с тяжёлой головой сказал я, не желая ни вставать, ни даже двигаться.

– Нечего было вторую бутылку открывать, – пробурчала Катя, убаюкивая Максимку.

– Я открыл вторую бутылку? – удивлённо спросил я, совершенно не помня этого.

В тот день я так и не решился ехать открывать точку. Всё утро пролежал в кровати и лишь ближе к четырём часам начал обзванивать поставщиков и делать заказы.

– Машину надо! – непонятно кому сказал я.

Точку я всё-таки открыл. И хоть меня и терзали сомнения, что Алексей где-то надул, но по выручке это не чувствовалось. Люди приходили, покупали, я забирал выручку.

Тётю любу с Максом, как более опытных продавцов, перевёл на это место, а на старое нанял новых.

Все шло своим чередом. У Максимки появились первые зубки, и он уже не так громко и не так часто кричал по ночам.

С появлением первого снега я купил машину. К Алексею я не обращался, так как покупал отечественный автопром. Бутылочного цвета «четвёрка» – отличное решение для начинающего бизнесмена. Большой багажник, не гнилая. Самое оно...

Денег в металлической коробке порядком прибавилось с тех пор, как я оттуда часть выгреб. Я по-прежнему часто

доставал её, пересчитывал купюры и убирал обратно. Отличное средство, чтобы снять дневной стресс, не считая, конечно, Кати. Она стресс снимает ещё лучше. Вместе с вещами.

В начале декабря раздался звонок. Звонила тётя Люба:

– Ало...

– Кирилл, – голос взволнованный. – Тут какие-то ребята приходили. Хотели хозяина видеть. Я сказала, что всё тебе передам.

– Кто такие?

– Не знаю. Они не представились. Молодые парни подъехали на машине и сказали, что хотят поговорить с тобой. Обещали приехать сегодня вечером к восьми часам. Велели, чтобы ты обязательно был здесь.

– Раньше их видели?

– Нет. В первый раз.

– Понял. Я буду. Если что-то покажется странным, звоните.

– Хорошо. Кирилл, и ещё...

– Что там?

– У нас сигареты заканчиваются.

– Не сейчас, тётя Люба. Потом. Всё потом.

– Хорошо-хорошо.

Я догадывался, кто эти ребята. Точнее, слышал о них много раз, но так и не встречался. Видимо, та точка среди дворов их не привлекала, оттого и не встречался. Позвонить в милицию?

Мертвый номер. Все они там повязаны, и каждый кроет друг друга. А быть может, это вообще одна организация.

Я почувствовал, как сердце наращивает обороты. Стучит так, словно хочет вырваться и убежать. И не ехать к ларьку в восемь вечера.

В голове тут же обрисовалось несколько планов. Ларёк стоит на автовокзале, значит, там довольнолюдно, буду в безопасности. Хотя... Кого из бандитов останавливали пара зевак и бабушки с тележками.

Стёпа! – мысль как молния промелькнула в голове. Он должен их знать. Он в своё время и не таким занимался.

– Есть минутка?

– Хоть две.

– А минутка чтобы встретиться?

– Приезжай. Я дома.

Я помчался к Стёпе. Кате ничего не говорил. Нервничать ей нельзя, она ещё грудью кормит.

– Короче, тут такое дело, – без лишних прелюдий с порога заявил я. – Я говорил тебе, что купил ещё одну точку на автовокзале?

Стёпа кивнул.

– Так вот, сегодня позвонили оттуда и сказали, что приходили братки и хотят видеть хозяина. Что делать?

– Что за братки? Кто такие?

– Не знаю.

– Для начала дай мне закрыть дверь и пройди на кухню.

Я послушно вошёл, разулся и прошмыгнул на кухню.

– Да не трясись ты так, – сказал он.

– Да я нормально.

– Ага, конечно, – ухмыльнулся он.

Я бросил взгляд на руки, которые дрожали. Совсем немного. Мелкой рябью.

– Садись, сейчас попьём чая и всё обсудим.

Я с нетерпением смотрел на закипающий чайник и отказывался смотреть Стёпе в глаза. Словно боялся его. Будто это он один из тех самых братков.

– Короче, дело обстоит так, – начал он. – Тебе с сахаром?

– Без.

– ...в любом случае встретиться с ними придется. Хочешь не хочешь, а разговор этот состоится. Смотри не обожгись, – он протянул горячую чашку. – Не сегодня, так завтра, но они всё равно тебя достанут. Я думаю, что надо с ними встретиться и поговорить. В любом случае при первой встрече они не будут предпринимать никаких мер. Они ведь тоже не дураки. Посмотрят на тебя, оценят. Прикинут, что к чему, и только потом будут выставлять условия. Ну как, нормально?

– Что нормально? – замер я.

– Чай нормальный?

– Ах, чай... чай отличный, – ответил я, даже не прикоснувшись.

Стёпа сел напротив и длинной толстой рукой перетащил

пепельницу с подоконника на стол. Закурил.

– Будешь?

– Да, давай.

Я всё пытался унять дрожащие руки, которые буквально выдавали меня: он боится! Боится! Кирилл струсил.

Я прятал их в карманы, держа тлеющую сигарету губами и морщась от едкого дыма. Думал, куда бы их деть, пока не обхватил всё ещё горячую, но не обжигающую чашку.

– Это правильно. Горячий чай всегда снимает стресс. Так что держи крепче и попытайся не думать о сегодняшнем вечере. Короче, как я уже говорил, с ними надо встретиться. Они тебя оценят, ты их оценишь. Кто они, под кем ходят, кому поклоняются. Как бы приценитесь друг к другу, – Стёпа закончил, посмотрел вверх и ностальгически вздохнул: – Эх, пришёл бы ты ко мне в году девяносто втором, тогда мы бы этих братков самих по вокзалу потаскали. А сейчас, кроме вот этих рук, ничем тебе помочь не могу. Ну ещё травмат есть, если хочешь.

– Хочу, – не раздумывая, согласился я.

И от чего же я стал таким трусливым? По молодости влезал по самую голову во все авантюры. Лез на рожон. Хватал кирпич и скакал, как кавалерист в атаку. То ли маленький Максимка умерил пыл, то ли возраст, то ли жизнь достаточно потрепала, чтобы понимать, что второго шанса может и не быть.

Но я со своей трусостью разберусь, а вот перед Стёпкой

стыдно. Ведь он знал меня как ответственного работника. Твёрдо стоящего за правое дело и усердно идущего к цели. Что же он подумает теперь?

– Травмат я тебе попозже дам и научу им пользоваться. Запомни, самое главное, не давай заднюю, пока не узнаешь под кем они ходят. Если они так, молодежь, решившая срубить лёгких денег, то можешь слать их лесом, и пусть валят. А если они под Серёгой Сквозняком ходят, тогда советую тебе вступить в переговоры. Пойми, им ведь тоже не выгодно забирать у тебя всё до последней крошки. Они, знаешь, сколько таких предпринимателей крышуют? И с каждого капает денежка. Вы как дойные коровы. Могут отобрать всё сразу, но в дальнейшей перспективе это не выгодно. Поэтому постарайся отжать себе максимум условий. В двух словах так.

Я по-прежнему сжимал чашку, замороженно слушая наставления.

– А Серёга этот, кто он такой?

– Серёга – это местный полулегальный бандит. Он как бы и бандит, но как бы уже и нет. В начале девяностых мы с ним вместе промышляли. Точнее, не вместе, а на одном поле работали: рынки, наркота, чуток оружия... Не буду вдаваться в подробности. Со временем он достиг такой величины, что смог вырваться из бандитов и стать как бы честным бизнесменом. А я только и успел купить эту квартиру, пока всё не похерил. Хотя иногда думаю, хорошо хоть квартиру ку-

пил. Хорошо хоть жить остался в те года. Опасное было время. Так вот, – Стёпа затолкал окурок в пепельницу и тут же прикурил снова. – Серёга Сквозняк – это самый влиятельный человек в нашем городке. Так что если они ходят под ним, то вступай в переговоры и пытайся выбить себе лучшие условия. Если они какие-то левые, гони их оттуда и для пущего словца можешь сказать, что тебя Серёга Сквозняк крышует. Они по-любому в теме и знают, кто это такой. В общем и целом расклад такой. Травмат я тебе сейчас выдам, только ты не свети им направо и налево. Не доставай, как только почувешь неладное. А если уж достал, то пали что зря... – он громко захохотал и обронил пепел.

Как он может быть таким спокойным, обсуждая подобные дела?

– Ладно, – продолжил он. – Я тут распинаюсь перед тобой, а сам гляжу, ты не совсем в теме. Сложно будет всё запомнить. Чтобы избежать последствий, я решил травмат тебе не давать.

– Но...

– Как гора с плеч.

– Ты точно этого хочешь?

– А чего тут. Поедем, поговорим. Заодно молодость свою вспомню.

– Тогда в семь я у тебя.

– Замётано.

– Слушай, – нерешительно начал я, – а если к ментам?

– Мертвый номер. Ты платишь им, они, скорее всего, делятся с ментами.

– А разве они не конфликтуют?

– Они идут на рога, только когда им не перепадает. А пока денежка капает, они молчат.

– Ладно. Тогда я в семь здесь.

Я взял у Стёпы сигарету и вышел на улицу. Курил и чувствовал, что тревога не прошла. Она уменьшилась, спряталась где-то в глубине души, но не исчезла.

Я вернулся домой и старался вести себя, как обычно, чтобы Катя не заподозрила неладное. Но эти женщины... Не женщины, а ведьмы какие-то. Не успел снять обувь, как она спросила: «Что случилось?» Я ответил, что переживаю за новых продавцов и новую точку. Вроде бы поверила. Но меня всё равно волновал вопрос: как она заподозрила? Ведь я слова не сказал. Не успел даже поздороваться.

В семь вечера, точнее, с половины седьмого я стоял у Стёпы под окнами. А ровно в семь вышел и он сам. В кожаной куртке, совсем не по погоде, в джинсах, берцах и чёрной кепке. Он по-воровски осмотрелся и, заметив машину, уверенным шагом двинулся ко мне.

– Ну что, тронули? – бедная «четвёрка» жалобно скрипнула под грузным телом Стёпы.

Мы подъехали к ларьку. На вокзале было людно, и это придало мне уверенность.

– А вон и твои братки, – заметил Степа, тыкая пальцем

на нескольких ребят у остановки.

– Как ты узнал? Вроде бы обычные люди.

– Да их же сразу видно. Кожаные куртки, короткие стрижки. Смотрят подозрительно, точно ищут кого. Озираются. Перебрасываются короткими фразами. Короче, это точно они. Предлагаю к ним подойти первыми, чтоб не были готовы. Ты как?

– Как ты скажешь, так и сделаем. Я тебе полностью доверяю.

– Тогда пошли.

Стёпа поправил травмат в куртке, чтобы не торчал, как бутылка водки у алкоголика, и вылез из машины. Я шёл следом.

– Иди рядом! – кинул на ходу Стёпа. – Они должны видеть, что мы на равных.

С ухающим как молот сердцем я догнал его и расправил плечи.

Хоть он и сказал, что я должен был выглядеть с ним на равных, но верилось в это с трудом. Он выше меня на голову. Шире в плечах. Да ещё и эта борода до самой груди. Как с таким исполином можно быть на равных?

– Здорово, ребята, – гаркнул Стёпа.

Ребята вздрогнули и тут же скучковались. Пять человек, отметил я.

– Здорово, батя, – взял слово парень лет двадцати пяти и вышел вперед.

– Вы стрелу забивали?

Короткостриженный скосил взгляд на своих, затем ответил:

– Ну мы.

– Насчет той точки? – Стёпа кивнул в сторону ларька.

– Да. А ты хозяин?

– Я хозяин, – пересилив себя, сказал я и гордо приподнял подбородок.

– Расклад такой, ты башляешь нам долю, а мы тебя не трогаем и не лезем в твои дела. Но при одном условии. Не барыжь наркотой и стволами. Понятно?

Я посмотрел на Стёпу. Тот молчал.

Поскрипывая кожанкой, парень продолжил:

– Тут до тебя был один фраер, который отказывался нам платить. В итоге мы его вынудили продать эту точку. Кстати, мы знаем, что точка прибыльная, поэтому не скули, что у тебя нет денег и ты не наторговал. Скажем так, закидываешь пару сотен в неделю, и мы живём в мире. Идёт?

– А вы кто такие? – спросил я, не понимая, как вообще у меня эта фраза сформировалась в голове и как я её с такой легкостью произнес.

– Мы? – парень удивился вопросу и громко заржал. Команда поддержала главаря хохотом. – Тебя это нисколько не должно волновать. Твое дело барыжить шоколадками и засылать нам долю.

– Я понимаю, просто вчера ко мне приходили люди от Се-

рёги Сквозняка и сказали, что я должен засылать долю им. Вы не от него случаем?

Боковым зрением, я заметил, как Стёпа выпятил нижнюю губу и одобрительно закивал на мою хитрость.

Парни немного замешкались. Несколько секунд молчание висело между нами, и никто не решался его нарушить. Главарь ещё раз обернулся на своих и, получив утвердительный ответ, сказал:

– Серёга Сквозняк работает не по этому району. Мы не от него. Но тебе лучше засылать нам.

– А вы точно с ним договоритесь, чтобы не платить и одним, и вторым?

– За это не очкуй. Утрясём. Тебе главное нам откашлять пару сотен. Мы дали тебе пару недель развернуться, так что давай. Завтра вечером к тебе подойдёт наш человек и скажет, что он от Вани Художника. Отдашь ему деньги и не увидишь нас до следующей недели. Всё понятно растолковал?

Я взглянул на Стёпу. Стёпа едва заметно кивнул.

– Договорились.

Мы пожали руки и разошлись.

Уже сидя в кафе и попивая горячий чай, я спросил у Стёпы:

– Ну что скажешь?

– Я немного в замешательстве. Вроде молодые ребята, ещё не окрепли и не чувствуют почву под ногами, но в тоже время уверенно дали отпор Сквозняку. То ли на понт берут,

то ли реально Сквозняк тут не работает. Короче, деньги им пока давать не следует, потому что почувствуют запах наживы и присосутся, как клещи к дойной корове. Лучше добровольно уйти под крышу к Сквозняку. По крайней мере, там хотя бы надёжнее, и точно знаешь, что за тебя, если какие рамсы будут, впрягутся его люди. А с этими тёмными лошадками ничего не известно.

– Мне скрывать, что ли, от них?

– Первое время да. Я завтра подниму старые связи, глядишь, и выйду на кого-то из людей Сквозняка. Там будет видно. А пока что ложись на дно и не рыпайся. На всякий случай держи травмат. В армии служил, думаю, разберёшься.

Стёпа под столом передал пистолет, который я тут же спрятал за пазуху.

– Может мне закрыть пока эту точку. Ну пока не утрясётся.

– Не нагоняй панику. Продавцов они не тронут, им это не выгодно. Им ты нужен. Хотя и тебя они не должны тронуть. Припугнут, может, по голове настучат, если поймают, но на первый раз ничего серьезного быть не должно. Так что упади на дно, пока я с тобой не свяжусь.

– Сделаю, – с некоторой долей отчаяния сказал я.

Перед сном Катя опять спрашивала, что же такое случилось, но я был непреклонен. В этот раз я подготовился к разговору и привёл весьма убедительные доводы. Вроде бы по-

верила.

Два дня не выходил из квартиры. Постоянно смотрел в окна и не расставался с травматом, который приходилось скрывать, в том числе и от Кати.

Звонила тётя Люба, доложила, что подходили какие-то странные типы и спрашивали какого-то художника. Говорили про какие-то деньги. Я успокоил её, сказав, что всё уладил. А у самого сердце кольнуло. А вдруг всё-таки эти ребята не выдержат и припрут тётю Любу к стенке. Ведь на мне грех будет.

С этими мыслями прожил ещё пару дней, пока Катя не выгнала на улицу за продуктами.

Я возвращался около восьми. Снег шуршал под ногами. Редкие фонари освещали истоптанные тропинки.

Два тёмных силуэта я заметил ещё возле магазина, но не придал этому значения.

Почувствовал что-то неладное, когда подходил к подъезду, и эти два силуэта ускорили шаг. Нащупал в кармане травмат, боковым зрением следя за ними.

Когда открыл дверь, они сорвались с места и побежали.

Я бросил пакет, ворвался в подъезд и попытался закрыть дверь. Не успел. Сунули ногу.

Одной рукой держался за ручку, а второй судорожно доставал травмат.

Достал, сунул в проём и выстрелил. Всего четыре патрона, надо беречь. Послышались крики и мат. Дверь перестав

ли дёргать, но ногу не вынули. Я вновь направил пистолет в проём и выстрелил. Чья-то рука в кожаной куртке схватила дуло пистолета и дёрнула на себя.

Либо я держу двумя руками пистолет, либо держу дверь. Я выбрал пистолет, и металлическая дверь тут же распахнулась. Я направил пистолет на молодого паренька и выстрелил снова. Он завизжал и, скорчившись от боли, упал на пол. Второй, высокий и худой как палка, пнул меня ногой.

Я отлетел к лестнице, перевернулся и сильно приложился головой о перила. Голова наполнилась звоном, а зрение потеряло четкость. В полубоморочном состоянии направил пистолет на выход и вслепую спустил курок. Видимо, попал, так как высокий схватился за ляжку и запрыгал на одной ноге.

Я вскочил на ноги и, плавая в тёмном подъезде, рванул к лифту. Ноги заплетались в узлы. Опираясь о грязные стены, добрался до него и нажал кнопку.

Проклятые двери медленно разъехались в стороны.

Только бы успели закрыться. Только бы успели...

Нервно жал на кнопку пятого этажа, наблюдая, как двери начинают съезжаться. Перед самым закрытием просунулась рука, и двери пошли в стороны.

Пистолет тихо щёлкнул вместо того, чтобы всадить пулю в этого длинного упыря.

Я тут же получил удар в лицо и затылком раскрошил зеркало. Длинный влетел в тесный лифт и локтем задел меня

по виску. Выронив пистолет, я вжался в угол, закрыв голову руками.

Несколько ударов пришлись по голове, но слабые. Едва ощутимые в пылу драки.

Двери всё-таки закрылись, и лифт дёрнулся вверх. Мы были зажаты в этом крохотном пространстве. Я и этот парень.

Оттолкнувшись от стены, я врезался в парня и приплюснул его к противоположной стене. Лифт замер на месте.

Промелькнула шальная мысль, что мне довольно крупно повезло, что мы оказались заперты в этой конуре метр на метр. Я среднего роста, и мне есть где размахнуться, а этой шпале тут совсем неудобно. Эта мысль вселила уверенность, и я наконец-то оторвал руки от головы.

Несколькими короткими ударами в корпус я заставил его согнуться и схватиться за живот. Не теряя момента, нанёс удар коленом точно в нос. И даже почувствовал хруст. А затем и тёплую кровь на ноге, словно поймал сгнивший помидор.

Начал молотить руками куда попало. По голове, телу, рукам. Длинный кричал, матерился и жался в угол. Он спрятал одну руку за спину, после чего сильно ударил в живот.

Я скорчился от боли, но продолжал молотить. Эта кратковременная боль даже придала сил, мол, если он бьёт, значит, у него ещё есть силы. И моя задача лишить его любых сил и чувств.

Уставший, весь в крови, я перестал бить только тогда, ко-

гда он сполз по стене на корточки и больше не подавал признаков жизни. На всякий случай я ещё раз заехал ему точно в челюсть, и парень стёк на пол, как кусок растаявшего масла.

Вытерев кровь рукавом, я нажал на кнопку пятого этажа, и лифт продолжил движение.

Двери открылись. Я вывалился из лифта на пол. Несколько минут сидел, прислонившись к стене и пытаюсь поймать взбесившееся дыхание. Затем встал, нащупал в кармане ключи и вошёл в квартиру.

Дверь в спальню была закрыта.

Катя укладывала Максимку спать. Не снимая обувь, закрылся в ванной и включил воду.

Подставил больную голову под струю холодной воды и с облегчением выдохнул. Стало лучше. Розовая жижа исчезала в сливном отверстии. Наощупь достал полотенце и вытерся.

И только тогда заметил, как подо мной скапливается лужица крови. Вязкая, чёрная, как смола, кровь уже залила левую штанину и наполнила ботинок. Задрав кофту, увидел открытую рану в боку шириной в несколько сантиметров. И стоило мне увидеть её, мгновенная боль прошла по телу. Словно вновь засадили нож. Я скорчился и зажал рот руками. Пересилив себя, выпрямился и едва удержался на ногах. Мысли поплыли, как асфальт на жаре. Я сел на край ванны и сунул голову под кран.

Схватился за кровавое полотенце и зажал рану.

Как будто легче. По крайней мере немного прояснилось в голове. Но вместе с этим тело начало реагировать на каждый ушиб и каждый удар, который я получил. Вот уже и затылок, которым я вначале приложился о перила, а затем разбил зеркало в лифте, начал болеть. Свободной рукой потрогал его, нащупав слипшиеся волосы и вязкую жидкость.

Вспомнил, что оставил Стёпин травмат в лифте. Естественно, возвращаться не стал, хотя мысль и проскальзывала.

Прижимая набухшее от крови полотенце, посмотрел в зеркало. Бледный, как плитка в ванной. Под глазами мешки, словно не спал несколько суток. Кровавые пятна, ссадины и синяки на лице легли поверх глубоких морщин. Волосы ёжиком торчат вверх. На правом виске слиплись от крови. Да и само лицо, несмотря на побои, грубое, квадратное. Словно из камня выточенное. Из какого-то белого куска мрамора.

Я отнял набухшее полотенце и смочил его. Когда выжимал, корчился от боли. Снова приложил к ране. Холодок прошёл по телу. Голова наполнилась туманом. Почувствовал слабость, а вместе со слабостью и какое-то облегчение. Боль ушла, оставив после себя недомогание и усталость. Жуткую усталость. Даже большую, чем тогда, в колбасном цеху после трех или пяти фур.

Рука соскользнула с мокрой раковины, и я начал медленно съезжать на пол. Ноги отказывались держать измож-

дѣнное тело. Я безжизненно опустился на холодный кафель, смотря на меркнувшую лампочку и слушая приятный плеск воды.

Последняя мысль проскочила: проблема не в том, что я ранен, а в том, что они знают, где я живу, где живут Катя и Максимка... Надеюсь, я их не разбудил.

А дальше мрак. Тьма и приглушённый плеск воды.

Я открыл глаза посреди коридора. Машинально тронул бок, но раны там не оказалось. Это и неудивительно. Хотя боль и недомогание остались в той комнате, я по-прежнему чувствовал лёгкий туман в голове. Мысли вяло летали, как мохнатые шершни.

Стоя перед очередной дверью, я испугался. Пожалуй, впервые испугался так сильно. До дрожи. До онемения. А что если дальше ничего не будет? Что если сейчас я открою дверь, войду в эту тёмную субстанцию, и всё. Только тьма и пустота. Вечная тьма и бесконечная пустота. Что если в той комнате я не проснулся? Не выжил. Истек кровью и никогда больше не открыл уставшие глаза.

Комната шестая

Любопытство – сильная вещь. Я пошёл на риск и всё-таки открыл дверь. Или я узнаю, что было дальше, или буду вечность прозябать в этом паршивом домишке без мебели и в одиночестве.

Впервые я почувствовал настоящий животный страх при погружении во тьму. Меня трясло и знобило. Тьма поглотила меня, оставив один на один с собственными мыслями.

Я выжил в тот раз. Потому что очнулся я за завтраком. Передо мной сидел Максимка лет семи, а рядом, на детском стульчике, сидела светловолосая девочка, которая отказывалась есть и разбрасывала еду по детскому столику.

– Кирилл, успокой её, – сказала Катя, вертясь возле плиты.

– Лена, не балуй! – прикрикнул я и подвинулся к дочке.

Леночка посмотрела на меня испуганными глазами, затихла. Но стоило мне отвернуться, как я услышал звук пластиковой тарелки, скачущей по полу.

– Кирилл!

– Я стараюсь. С этой маленькой бестией довольно сложно справиться. Всё, с меня хватит, ты наказана.

Я вынул её, как куклу, из детского стула и перетащил в угол.

– Ты наказана за своё поведение. Теперь будешь стоять здесь! Тебе понятно?

Её глазки моментально увлажнились, а подбородок начал дрожать.

– Плачь не плачь, но ты наказана и будешь стоять в углу, пока не поймешь, что так вести себя нельзя. Нельзя разбрасываться едой. Надо слушаться маму и папу. Ты поняла?

Вряд ли она чего-то поняла. Но реветь начала довольно громко. Уткнувшись золотой головкой в угол, она содрогалась всем телом. Повернулась, взглянула на меня глазами, полными слёз, и что-то пролепетала на своём.

– Повернись. И стой так, пока не поймешь.

Лена повернулась, продолжая реветь. Она несколько раз пыталась посмотреть на меня, но страх не давал ей это сделать.

– Так и стой.

– Кирилл, – тихо сказала Катя и показала руками, что пора завязывать. Нельзя так долго мучить ребенка. Да и от крика она уже устала.

– Ты поняла свою ошибку?

– Поняа, – сквозь слёзы ответила дочка.

– Будешь бросаться едой?

– Е буду...

– Иди в ванную, я сейчас подойду. Ты Макса собрала?

– Да.

Я умыл Лену и вернулся на кухню.

– Беги к маме. Макс, пора выходить.

Он нацепил большой портфель и побежал за мной.

– Маму не забыл поцеловать?

– Забыл.

– Беги, я тебя тут подожду.

Семеня ногами, Макс побежал к маме и тут же вернулся.

Мы вышли из квартиры (двухкомнатной) и пошли к машине. Моя ветхая «четвёрка» осталась в прошлом. Здесь мы сели в «БМВ» с круглыми фарами.

Городок изменился. Стало больше народу. Выросло много высотных домов. Немного облагородился внешний вид. Вместо разбитых тротуаров и глубоких рытвин на дороге мы скользили по гладкому асфальту. Но этот гладкий как зеркало асфальт остался в центре. Стоило нам немного выехать из приличного, как мне показалось, района, и мы тут же оказались снова в девяностых. Даже люди здесь другие, хотя проехали каких-то пару километров. Какие-то хмурые. На улице лето, тепло, светит солнце, а они идут, устремив взгляд в землю, и словно боятся смотреть по сторонам.

Чем дальше отдалялись от центра, тем глубже становились дыры в асфальте.

– А мы разве не в школу? – спросил Макс.

– В школу, в школу. Просто мне надо кое-куда заехать. Занятия в восемь?

– Ага.

– Успеваем.

Доехали до окраины, где многоэтажные дома медленно перетекали в частный сектор.

Я припарковал машину возле дома.

– Сиди тут, папа сейчас вернётся.

У ворот ждал Ваня, мой верный помощник и правая рука в бизнесе. Как всегда, гладко выбрит. Светлые волосы лоснятся, а довольно широкий пробор справа походит, словно там трактор с плугом прошёлся.

– Чего у тебя такого срочного?

– Извини, что отвлёк в такую рань, просто ночью с Южной точки сказали, что приходили какие-то странные типы и просили денег за крышу.

– За крышу? Да они вообще, что ли охренели там! – довольно громко возмутился я, но тут же умерил пыл, вспомнив, что в машине ждёт Макс и может это слышать. – Какая крыша?

Ваня пожал плечами.

– Я лишь передал, что мне сказали.

– Где эти бравые ребята? Я им покажу крышу.

– Естественно, они не оставили никаких контактов. Может, это, конечно, загульные какие-то, но я не уверен.

– А из продавцов кто был?

– Никита.

– Это чернявый такой?

– Нет. Чернявый – это Юра. Никита такой высокий, худой. Помнишь, он у тебя ещё просил телефон им рабочий выдать.

И в долг брал кругленькую сумму, то ли на квартиру, то ли ещё на что...

– Всё, вспомнил. Передай ему, чтобы сегодня заехал ко мне в офис. Пусть проспится после смены и заедет.

– Сделаю.

– Мог бы и позвонить, – недовольно кинул я.

– О таких делах предпочитаю лично, – скупно ответил Иван.

Мы попрощались, и я повёз сына в школу.

Возвращались другим путем, но суть от этого не изменилась. Район, где была администрация и самые дорогие квартиры, выглядел, как вполне себе приличный европейский город. Ровные тротуары, клумбы с цветами. Нет надоедливой рекламы на каждом столбе. Аккуратные остановки с целыми лавочками. Чистые фасады домов без паршивых рисунков недоделанных художников.

Я припарковался возле ворот частной школы. Точнее, не школы, а гимназии, как в последнее время стало модно называть учебные заведения.

– Учись хорошо и не шали, – дал я напутствие Макс. – Ты тут уже нормально освоился?

Макс кивнул.

Я поцеловал его и похлопал по плотному портфелю.

Сразу после школы поехал в офис, где ждала работа. Много работы. Бесконечная волокита с бумагами и заказами. Сложно сидеть сложа руки и плевать в потолок, когда под то-

бой крутится более двадцати ларьков, пара продуктовых магазинов и несколько точек на рынке. Всем что-то надо. Поставщики подводят, налоговая прижимает. Ещё и пожарная служба активизировалась и требует установить противопожарные датчики. Да и день приёмов сегодня.

Так заведено в моей компании, что каждый четверг я принимаю своих работников и слушаю их просьбы, жалобы и пожелания. В коридоре скопилась немаленькая очередь.

– Кирилл Владимирович, может, отменим этот денёк? – сказала секретарша и спустила очки на нос.

– Нет, Вера Павловна, отмените-ка лучше все дела, а приёмный день оставим днём приёмным.

– Но у вас сегодня ещё важная встреча с директором овощебазы на Кирова.

– Я в вас верю, так что перенесите её.

Вера Павловна сурово посмотрела на меня, сморщила губы и уткнулась в бумаги.

– Давайте тогда и я к вам на приём запишусь. Мне, знаете ли, тоже есть на что пожаловаться и что попросить, – недовольно пробурчала она.

– На меня жаловаться хотите?

– На вас. На вашу непостоянность. Расхлебывать ведь мне.

Я вытянулся на стуле и широко улыбнулся.

– А кто встречу назначил на это время?

– Ну я.

– А кто знает, что у меня по четвергам приёмный день и всё равно назначает встречи?

– Да ну вас, – Вера Павловна задрала подбородок и вышла из кабинета.

– Запускайте первого.

И пошло-поехало. Одного выслушал, второго, третьего... Всё надо фиксировать, иначе забывается. Ежедневник пухнет от записей и уже не закрывается от дополнительных вкладышей и бумажек.

Ближе к вечеру, часам к шести, пришёл Никита. Да, я его вспомнил. Он у меня деньги брал на квартиру. До сих пор отдает.

– Здравствуйте, Кирилл Владимирович.

– Привет. Ну садись, рассказывай. Что, кто и как?

Никита стеснительно присел напротив и сложил руки на коленях.

– Они пришли где-то около полуночи.

– Кто они? – я выпрямился в кресле и раскрыл ежедневник.

– Я не знаю. Какие-то мужики в костюмах. Сказали, что хотят с вами переговорить лично.

– Они что, не знают, где меня искать.

Никита вздернул острыми плечами.

– Может, не хотят светиться, – скромно предположил он.

– Тут ты прав, скорее всего. Ладно, что дальше?

– А дальше и не было вроде ничего. Сказали, что хотят

с вами поговорить. И передали, чтобы вы подъехали завтра к восьми.

– К восьми, значит? – уточнил я и вспомнил давние события, когда мне уже назначали встречу к восьми.

– Ладно. Спасибо. Если что вспомнишь, позвони.

– Хорошо. Я свободен?

– Да, спасибо.

Никита вышел, и я остался один в кабинете.

– К восьми, значит, подойти. Ладно, подойдём, посмотрим, что за фрукты хотят меня на крышу выставить.

Вечер прошёл тихо и спокойно.

– Как тебе в новой школе?

– Нормально, – ответил Макс, как замороженный, плясь в телевизор.

– Учителя хорошие?

– Да.

– А ребята не задирают? Ты ведь у них новенький.

– Нет, не задирают.

– Познакомился уже с кем-то?

– Ага, с соседом по парте.

Видно было, что Максимке намного интереснее то, что идёт по телевизору, чем разговор о новой школе с отцом. Ах, если бы он знал, как долго я хотел, чтобы он пошёл учиться именно в эту гимназию. Ведь там не только самые хорошие учителя нашего города. Там учатся дети высшего общества. Администрации, бизнесменов и прочих вершителей судеб.

И даже если из него не выйдет отличного ученика, он в любом случае получит хорошие связи в будущем. Он обрастёт ими, как черепаха панцирем. И не дай бог, если у него что-то не сложится, то у его школьных друзей, что-то да выльется. А уже через них можно и в люди выбиться. И чувствовать себя неплохо.

Когда дети легли спать, мы с Катей остались в гостиной смотреть телевизор.

– Знаешь, что мне сегодня Ванька сказал?

Катя вопросительно посмотрела.

– Сегодня к ларьку на Южном подходили какие-то ребята и просили денег. Знаешь за что? За крышу. Представляешь. Они просили деньги за крышу, – я довольно громко рассмеялся и Катя шикнула, чтоб не разбудил детей.

– И что делать будешь?

– Что-что. Поеду узнаю, кто такие. Поговорю с ними, а потом пошлю их куда подальше.

– Может, лучше не надо?

– Чего не надо-то? Они, видимо, совсем попутали. Не знают, с кем дело имеют.

– Прошлые тоже, видимо, не знали, – довольно серьезно сказала Катя и наверняка вспомнила, как нашла меня на полу в ванной. Как выбивала запертые двери. Как вызывала «скорую» и редела от горя, думая, что я уже умер.

– То было давно. Сейчас так никто не делает, – попытался я успокоить жену.

– Я бы советовала тебе заплатить, но ты ведь меня не слушаешь.

– Я подумаю, – туманно ответил я, хотя сам уже всё решил.

На следующий день я отвёз Макса в школу, а Лену – в детский садик. День отработал, как обычно, и, что самое интересное, ни разу не возвращался к мысли о сегодняшней встрече.

Вечером Ваня дал краткий отчет о прибыли.

– Почему такой скачок? В прошлом году не наблюдалось.

– Ходят слухи, что кто-то скупает ларьки.

– Кто?

– Пока не известно. Говорят, какой-то бизнесмен через подсадные лица выкупает точки и, видимо, хочет монополизировать это дело.

– Ходят слухи, говорят люди, шепчут бабки... Знаешь, Ваня, мне это неинтересно. Мне нужны факты, чтобы знать точно, куда и как нам двигаться. А на слухах далеко не уедешь. Так что давай. Флаг тебе в руки, и узнай, насколько эти слухи правдивы.

– Сделаю.

– Кирилл Владимирович, – Вера Павловна просунула голову в дверь. – У вас встреча через полчаса.

– Уже восемь?

– Половина.

– Спасибо. Ладно, Ваня, ты ищи, а я поехал дела делать.

К ларьку я подъехал без пятнадцати. А ребята, как настоящие педанты, подкатили ровно к восьми.

Да, действительно, на бандитов не похожи. Стильные пиджаки вместо кожаных курток. Аккуратные причёски вместо бритых голов. Да и машина приличная.

– Добрый вечер.

– И вам не хворать.

Мы пожали руки.

– Отойдём, – предложил один из них. Ещё двое стояли возле чёрного «мерседеса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.